РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

НОВЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В РОССИИ

Пути гражданской интеграции

Под редакцией
В. В. Степанова, В. А. Тишкова

Москва
2009

УДК 312
ББК 63.5
Н 76

Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН "Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям"

Публикуется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант 08-06-02002

Научные рецензенты:
Функ Д. А., д. и. н., Институт этнологии и антропологии РАН
Ямсков А. Н., к. и. н., Институт этнологии и антропологии РАН

Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (под ред. Степанова В. В., Тишкова В. А.) — М.: ФГНУ "Росинформагротех", 2009. — 432 с.

Книга представляет первый российский опыт изучения проблемы "новых этнических групп" для целей совершенствования этнической политики в Российской Федерации. Содействие адаптационным усилиям мигрантов и местного населения должно стать важной частью общегосударственной стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов. На большом материале исследований, проведенных во многих регионах страны, показаны механизмы усложнения этнокультурной среды и сопутствующие этому процессу общественные и политические реакции.

Для ученых в области гуманитарных исследований, политиков, специалистов сферы социального управления, преподавателей и студентов вузов.

Оригинал-макет: Кульбачевская О. В.

© Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2009
© Сеть этномониторинга (EAWARN), 2009

ISBN 978-5-4211-0015-7

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. От общественного восприятия
– к общественному сознанию *В. А. Тишков* 5

"Мы" и "они"? Об опасности холизма в общественных представлениях
Е. И. Филиппова 11

Насельники и насильники: опыт критического анализа понятий
"коренные народы", "меньшинства" и "мигранты" *С. В. Соколовский* 19

События в селе Карагай *А. В. Черных* 53

Конфликт как теоретическая реальность *О. В. Кульбачевская* 60

Когда "чужой" станет "своим". О ригидности массовых стереотипов
В. В. Степанов, В. А. Тишков 73

Дискриминация группы курманч *А. А. Кочергин* 82

Кавказцы в центральных регионах России *А. А. Ярлыкапов* 89

Адаптация мигрантов: варианты стратегий *К. С. Мокин* 99

Символическое пространство интолерантности *Ю. П. Шабаев* 117

Киргизия против ксенофобии в России *Л. Л. Хопёрская* 125

Кавказцы в Карелии *Е. И. Клементьев* 131

Новые общины в Республике Коми *Ю. П. Шабаев* 143

Эхо Кондопоги *Ю. П. Шабаев* 149

Межгрупповые отношения в Москве *О. В. Кульбачевская* 157

Ксенофобия в Москве *О. Н. Подлесных* 170

Этнические стереотипы в среде московской молодежи:
"они не понимают нас, а мы – их" *И. С. Савин* 176

Что думают москвичи и недавние мигранты друг о друге *А. О. Булатов* 182

О понимании властями субкультуры мигрантов *К. С. Мокин* 190

Киргизская диаспора в России *Л. Л. Хопёрская* 196

"Новые" этнические группы в Саратовской области:
отношение властей и общества *О. А. Лиценбергер* 203

"Новые" этнические группы в Марий Эл *В. Д. Шаров* 215

Кавказцы в Удмуртии: "В Азербайджане нас никто не ждет" *В. С. Воронцов* 220

Армяне Саратовской области *О. А. Лиценбергер* 230

Саратовская область: местное население versus мигранты *К. С. Мокин* 233

Этнокультурные процессы в иммигрантском сообществе *А. В. Черных* 242
Сегрегация или интеграция? *В. В. Амелин* 263
"Новые мигранты" как часть местного сообщества *Н. С. Мухаметшина* ... 269
Этнические общины и мигранты в Башкирии: особенности интеграции
И. М. Габдрафиков, Л. Г. Хуснутдинова 283
Общины выходцев из Средней Азии и Кавказа в Чувашии
И. И. Бойко, В. А. Харитонова 294
Образы таджиков-мигрантов в пермской прессе *А. В. Черных* 304
Представления местных жителей о странах происхождения мигрантов
Г. Ф. Габдрахманова 308
Нижегородские азербайджанцы *И. В. Симонов* 313
Среднеазиатские мигранты в Оренбуржье *В. В. Амелин* 320
Общественный центр таджиков г. Перми *А. В. Черных* 325
Кавказцы в Мордовии *А. В. Мартыненко* 329
Эхо Кондопоги в Калмыкии *В. Л. Волгин* 336
О судьбе запрета иностранцам на торговлю *А. А. Кочергин* 346
Реакция власти и общества
на массовые беспорядки *М. А. Аствацатурова* 350
Проблемы диалога между властными структурами
и этнокультурными организациями *С. В. Голунов, В. А. Смирнова* 363
Этнический дискурс в контексте "Сочи-2014" *А. А. Кочергин* 368
Особенности миграции дагестанцев *С. И. Муртузалиев* 374
Северокавказские молодежные джамааты *А. А. Ярлыкапов* 379
Вьетнамская община в Волгограде *С. В. Голунов, В. А. Смирнова* 384
Положение "новых" этнических групп в Дагестане *С. И. Муртузалиев* 387
Коррупция как фактор этнических отношений *М. В. Савва* 392
Об участии власти и общества в межобщинных отношениях
А. И. Делицой 398
Закавказские диаспоры Тюменской области *И. В. Бобров И., В. П. Клюева* .. 402
О деятельности таджикского НКО в г. Сургуте *В. А. Тен, А. И. Делицой* 411
Российско-китайское пограничье: миграции и экономика *Н. П. Рыжова* .. 416
Отношение к мигрантам на Дальнем Востоке *Е. Л. Мотрич* 422
АВТОРЫ 430

ВВЕДЕНИЕ

От общественного восприятия – к общественному сознанию

В. А. Тишков

Общество часто воспринимает этнические меньшинства как некоренную часть жителей. Даже там, где нет притока иноязычных и инокультурных мигрантов, боязнь "чужаков" и "пришлых" овладевает сознанием обывателя. Виртуальные ситуации, не менее чем бытовые, могут служить в современной России реальным источником ксенофобии. Сегодня даже периферийные и отдаленные сельские районы подвержены влиянию телевизионных и интернетных форм межэтнической неприязни. Возникают уродливые формы воспитания молодого поколения, и бытовые стычки нередко перерастают в массовые конфликты с характерной маркировкой как "этнические".

Молодежные драки на почве "чуждости менталитета" с легкостью перерастают в межгрупповые конфликты. Напряженность особенно высока в тех случаях, когда в конфликт вмешиваются подстрекатели из радикальных политических организаций.

К разряду "опасных чужаков" обыденное сознание относит не только китайцев, вьетнамцев, но и бывших соотечественников – недавних советских сограждан, а среди них – выходцев из кавказских и среднеазиатских государств. Источником общественных неврозов стали и те группы россиян, чье этническое происхождение общественное мнение связывает с Северным Кавказом. Им нередко инкриминируют участие в "этнических" преступных группировках, приверженность религиозному экстремизму.

Задумывая данное исследование в рамках общеакадемической программы, мы задавались вопросом, почему так происходит? В течение нескольких лет мы изучили межкультурную ситуацию в нескольких десятках российских регионах, намеренно фокусируя внимание на тех случаях, где имеется позитивный опыт этнокультурного развития. Но даже в тех регионах (например, в Поволжье), где за последнее десятилетие появились значительные и разнообразные по своему составу группы, отличающиеся в культурном плане от численно преобладающих русских, татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов, распространено мнение о том, что "пришлые вытесняют местных" из разных сфер общественной жизни, включая лидерство в конфессиональ-

ной среде. Слухи и мифы о "нашествии", о "вымирании коренного народа" затрагивают не только обывателя, они волнуют журналистов, политических деятелей, чиновников. Научные работники также не составляют исключения. Такие мифы негативно влияют на систему принятия государственных решений в этнокультурной сфере.

Мы провели серию исследований под общим названием "Новые этнические группы в России", задавшись целью инициировать изучение динамики этнокультурной ситуации во внутренних российских регионах, где и в прошлом, и теперь обосновываются выходцы из государств Кавказа, Средней Азии, а также стран так называемого дальнего зарубежья, в частности, Китая. От того, как складывается жизнь переселенцев в этих регионах, в значительной степени зависит уровень ксенофобии во всем государстве.

Формальные цифры переписей, помимо социологических опросов, говорят о том, что при распространенных массовых стереотипах и предубежденности, этот уровень ксенофобии может усиливаться и впредь. Вот, например, статистические данные о кавказцах. За период между переписями 1989 и 2002 гг. численность этнических кавказцев возросла в Приволжском федеральном округе в два раза, превысив четверть миллиона человек (самые большие группы это армяне – 105 тыс., азербайджанцы – 43 тыс., грузины – 18 тыс., чеченцы – 17 тыс., лезгины – 11 тыс.). В Центральном федеральном округе численность кавказцев увеличилась еще значительнее – в 2,5 раза – и составила более полумиллиона человек. Несмотря на то, что демографическая роль перечисленных категорий остается незначительной, – этнические кавказцы составляют 1,6% жителей Центрального округа и 1% Приволжского округа, – следует учитывать, что они являются социально заметной (и в гражданско-правовом отношении достаточно уязвимой) частью населения.

Не сам по себе факт притока, но именно искаженно воспринимаемое иноэтническое население предстает как серьезная проблема. С развитием экономики миграционная активность неизбежно возрастает, и появляется опасность, что в России этот естественный процесс и далее будет сопровождаться ксенофобскими настроениями и ростом конфликтности. По сути, обществоведческая наука поставлена перед необходимостью решения фундаментальной проблемы – насколько появление новых этнических общин или же новых этнических ситуаций представляют для России опасность с точки зрения сохранения гражданского мира и социальной стабильности.

Заранее было очевидно, что не имеет смысла выискивать универсальные рецепты предупреждения общественной напряженности. Но опыт многолетнего этнологического мониторинга говорит о том, что важно и нужно оспаривать широко бытующий тезис о том, что так на-

зываемые пришлые этнические группы, всевозможные диаспоры, землячества и прочее "чужое" населения являются новыми и никогда не станут "местными". Сегодня для многих как нонсенс звучит словосочетание "московский таджик" или "карельский чеченец". Особенно негативные стереотипы усиливаются после "этнических" столкновений в среде молодежи.

Необходимо говорить и писать о том, что представители многих кавказских и азиатских этнических сообществ были расселены в глубинных российских регионах и десять, и двадцать лет назад. Исследование показало, что массовое сознание отказывается признавать своим ("местным") населением и тех кавказцев, кто переехал в центральную часть страны давно, и тем более, тех, кто прибыл сюда в последние годы. Сталкиваясь со стереотипным представлениями о себе, переселенцы нередко меняют тактику адаптации, а в результате – процессы интеграции осложняются. Исследования этой проблемы и, что особенно важно, широкое распространение результатов такого исследования, должно "открыть глаза" властям и журналистам, а через их посредство – общественности. Это в значительной степени может смягчить массовое восприятие.

Важнейшая цель исследования состояла в том, чтобы выявить действующие и возможные механизмы и перспективы социальной и культурной адаптации не только пришлого, но и местного населения. Исследование показало, что содействие взаимным адаптационным усилиям должно стать важной частью общегосударственной стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов.

Мы постарались изучить реальные (в отличие от мифологизированных в общественном сознании) особенности социальной мобильности культурно отличительных групп. Мы, прежде всего, обращали внимание на такие сферы, как экономическая, политическая, религиозная. Для нас было важно провести анализ политики местных властей и связанных с этим реакций населения. Мы также исследовали динамику этнокультурной среды в местах недавнего расселения мигрантов, обращая прежде всего внимание на типы смешения, возможной сегрегации и формы идентификации. Естественно, полученные материалы мы стремились интерпретировать в свете проблем и перспектив этнического сосуществования и гражданского согласия.

В исследовании приняли участие эксперты из 40 российских регионов, давно и успешно сотрудничающие с Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук. Мы не задавались целью полной унификации предпринятого анализа. Более того, там, где это уместно, и там, где имелись соответствующие творческие силы, применены различные исследовательские методы.

Российская боязнь "чужаков" – не уникальна. В книге мы касаемся опыта других государств мира, потому что негативные стереотипы о "чужаках" внедрены в общественное сознание не только в России. Мифы о воображаемых сообществах представляют собой вполне реальную угрозу общественных столкновений. Мы представляем в своем исследовании опыт критического анализа понятий "коренные народы", "меньшинства", "мигранты", через которые формируются образы мигрантов и корректируется политика властей. Мы обращаем внимание на отнюдь не уникальное для нашей страны стремление обывателя интерпретировать миграции в этническом аспекте. Отсюда – зачастую ошибочные подходы со стороны правозащитников, отсюда – зачастую неверная точки зрения властей о пришлых, как о чужаках и "диаспоре". В данной связи в книге затрагиваются важнейшие положения международной системы защиты этнических меньшинств.

Мы стремились, чтобы наше исследование, выполненное в рамках фундаментальной научной дисциплины – этнологии, тем не менее, оставалось близким к жизни, созвучным ее проблемам. Известно, что многие теории, в частности теории общественных конфликтов, трудно применимы на практике. Это особенно характерно для ситуаций преодоления разногласий между местным населением и мигрантами. Поэтому на основе изучения большого количества конкретных фактов, мы стремились дополнить теорию и даже сделали определенные попытки трансформировать ее в методы раннего предупреждения.

С другой стороны, мы стремились показать, что и сама по себе социальная "практика", в особенности практическая деятельность из сферы управления, не свободна от установок ложного ("доморощенного") теоретизирования. Так, власти г. Кондопога, где в 2006 г. произошли массовые столкновения, также как и республиканские власти Карелии, считают кондопожский конфликт и погромы событиями миновавшими. Их основной посыл заключается в том, что проблема разрешится с завершением судебных дел и сохранится лишь необходимость профилактических мероприятий. Однако общественность смотрит на ситуацию иначе, считая конфликт не исчерпанным. Он постоянно продуцируется неадекватной этнической и миграционной политикой. Таким образом "управленческая теория" оказывается оторванной от практики.

Стало понятно, что низок общий уровень толерантности среди населения удаленных от Кавказа и Средней Азии регионов, таких, как Карелия, Коми, и что ксенофобские настроения уже являются важной составляющей массового сознания, причем это особенно характерно для молодежной среды. Но и с подрастающим поколением не все однозначно. Мы изучали разные слои и категории местного и пришлого населения. Оказалось, что школьники не придают особого значения

этническим различиям, но при этом в их среде широко распространены этнически маркированные предрассудки. Эти предрассудки могут перерастать в ксенофобские стереотипы, действие которых усиливается по мере возмужания подростков.

Не может быть единого взгляда и управленческого подхода по отношению к мигрантам. Исследование показало, что в центральных российских регионах инокультурные мигранты имеют неодинаковые установки на адаптацию, и далеко не все из них стремятся к интеграции. Естественно, это накладывает особую ответственность на интеграционисткую политику властей. Для властей, принимающих решения в сфере миграции, приезжие представляют собой однородное множество. Единственное отличие – профессиональная специализация, взгляд на приезжих как на рабочую силу. На самом деле приезжие различаются по степени самоорганизации и стремлению к определенным формам адаптации. Властям необходимо учитывать эти особенности, и тогда миграционная политика станет более эффективным инструментом не только коммерции, но и социальной политики.

Уже само упоминание полученных результатов свидетельствует о том, что мы использовали разные подходы и методы. Мы действительно, как того требовала сложная исследовательская проблема, старались объединить этнографические полевые исследования, социологические опросы с использованием больших и малых выборок, разные формы этнополитического мониторинга, включая, например, анализ деятельности культурных организаций и этнической политики властей разного уровня. Заметим особо, что часть исследования состояла в подготовке практических рекомендаций в адрес региональных и местных властей, а также национально-культурных обществ и организаций, что, кстати, придает особую специфику нашему методу. Рекомендации касались вопросов сферы образования, воспитания, культуры, языковой и религиозной политики, деятельности СМИ, законотворчества, и это само по себе усиливало ответственность и актуальность нашей работы. На семинаре-совещании в Совете Федерации Федерального Собрания РФ "О взаимодействии федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Российской Федерации в реализации государственной национальной политики" (2007 г.) был представлен доклад "Российское законодательство и этническая статистика", в котором было уделено специальное внимание вопросам статистики миграций. Интерпретации статистических данных в СМИ и речах политиков являются источником общественных фобий и напряженности. В ответ на запрос Минрегионразвития РФ авторами исследования разработаны рекомендации по вопросам применимости федерального законодательства о реабилитации репрессированных народов в отношении российско-

го казачества. Разработана информационно-аналитическая справка для Совета Безопасности РФ по вопросу "О дополнительных мерах по предупреждению межнациональных конфликтов, укреплению межнациональных отношений". Написана рецензия и подробные рекомендации к проекту Федеральной целевой программы "Этнокультурное развитие регионов России на 2008-2012 годы" (Минрегионразвития РФ) по запросу Общественной Палаты РФ.

Хотя по итогам исследования ранее были опубликованы отдельные статьи, данная книга впервые представляет полученные результаты целиком и вводит в научный оборот сведения, которые до этого в отечественной этнологии систематически не использовались. На основе новейших данных этнологического мониторинга осуществлен анализ механизмов усложнения этнокультурной среды и сопутствующих этому процессу общественных и политических реакций. Эти фундаментальные результаты сыграют свою роль в последующих академических исследованиях. Но мы надеемся, что они также послужат совершенствованию государственной этнической политики в Российской Федерации.

"Мы" и "они"?
Об опасности холизма в общественных представлениях

Е. И. Филиппова

Для простоты мы объединяем самых разных людей под одним названием, для простоты же мы приписываем им коллективные преступления, коллективные действия и коллективные мнения[1]

Амин Маалуф

Утверждение о том, что оппозиция "мы – они" является универсальной формулой общественных отношений, относится к числу очевидных истин, с которыми принято соглашаться. Однако если в приведенной формуле что-то и представляется безусловным, так это "взаимодействие", отображенное на бумаге типографским знаком "тире". В остальном же все гораздо сложнее.

Взаимодействие в рамках оппозиции предполагает, прежде всего, идентификацию (акт, замечу, субъективный и индивидуальный), т. е. определение контрагента как подобного себе или как Другого. Таким образом, и "мы", и "они" существуют только по отношению к "Я" – действующему и мыслящему субъекту, а следовательно – зависят от самоидентификации этого "Я".

Каждый из нас может идентифицировать себя, последовательно или одновременно, с несколькими "мы". Такую возможность создают многомерность личности, индивидуальный жизненный опыт, разнообразие социальных ролей. В зависимости от ситуации то или иное "мы" становится более или менее очевидным, более или менее значимым; соответственно изменяется и конфигурация "не-мы".

Идентификация Другого осуществляется на основе непосредственного восприятия и личного опыта субъекта, а также на основе опосредованного знания. В первом случае решающим является внешний признак (например, черты лица, цвет кожи, прическа, особенности телосложения, манера одеваться, жесты, мимика, походка, язык, особенности речи), во втором – характерные для данного общества представления о соответствии внешне воспринимаемых признаков определенным категориям или группам населения.

---

[1] Maalouf A. Les identités meurtrières. Paris, éditions Grasset, 1998. С. 29.

Любая категоризация является редуцирующей, ибо, основанная на одном или пусть даже нескольких критериях, устанавливает подобие не полностью идентичных друг другу объектов, пренебрегая отличиями между ними. Акт категоризации является также *перформативным*: отнесение объектов к одному классу и присвоение ему названия делает его фактом общественного сознания, а следовательно – общественных отношений.

Способность человека определять сходство и различие между объектами и классифицировать их на основании этих критериев является, если верить когнитивной теории, врожденной. Однако оппозиция, лежащая в основе акта классификации, сама по себе не порождает конфликт; напротив, отношения между различными классами субъектов чаще приобретают форму *комплеметарности*, сотрудничества, союза, обмена. Для возникновения враждебности и конфликта контрагент должен быть определен не просто как Другой, но как Чужой.

Для понимания механизма отчуждения, т. е. отторжения Другого, необходимо включить в схему анализа, наряду с "горизонтальной" классификацией, "вертикальную" иерархизацию, т. е. дополнить типологию таксономией. Это достигается с помощью категорий большинства-меньшинства, центра-периферии, нормы-отклонения, доминирования-подавления. В отличие от ценностно-нейтральной оппозиции "мы-они", оппозиции таксономического типа содержат в себе оценочные суждения и устанавливают отношения господства-подчинения. Очевидно, что большинство "главнее" меньшинства (в обществах, основанных на представительной демократии), центр "влиятельнее" периферии, норма "правильнее" отклонения. Результатом такого сочетания когнитивного и эмоционального элементов в восприятии Другого является уверенность в превосходстве "нашей" культуры и "нашего" образа жизни, для которых более "низкая" культура Другого представляет угрозу. Таким образом, категоризация Другого сопровождается его стереотипизацией, что ведет к увеличению социальной дистанции между "нами" и "ними" (*Berting, 2001*).

Стереотипы и основанные на них предубеждения, во-первых, отличаются значительной устойчивостью во времени и распространенностью в социальном пространстве, а во вторых – могут проявляться на различных уровнях: когнитивном (стереотипное представление, скажем, о мигрантах, цыганах, "кавказцах", евреях, китайцах – список можно продолжать), эмоционально-аффективном (чувство неприязни или враждебности по отношению к ним) и поведенческом (отторжение, дискриминация или даже насилие в отношении индивида на основании причисления его к той или иной категории и вне зависимости от его личных качеств). При этом наличие знакомых, друзей и даже родственников, относимых к категории "N", не меняет общего отрицательного отношения к этой категории (классическая формулировка: "такой-то –

хороший человек, хоть и N"). Именно эта *независимость стереотипа от личного опыта* (*Villain-Gandossi*, 2001) и предопределяет его живучесть и неизменность. Механизм стереотипизации состоит в повторении, дублировании, копировании. Функция стереотипа, согласно Г. Олпорту, есть рациональное оправдание нашего поведения в отношении той или иной категории населения (*Allport, 1958*. p. 287).

Классическим примером *рационального оправдания* является обоснование колониального рабовладения. Общества, построенные на плантационной экономике, характеризовались тройной сегментацией: социальной (землевладельцы/наемные рабочие), юридической (свободные/рабы) и расовой (белые/черные). Несмотря на то, что расовый критерий не был безусловно связан с социальным и юридическим (благодаря существованию категории "свободных цветных", среди которых было, в том числе, немало землевладельцев, – и, напротив, белых, не владевших землей и являвшихся наемными работниками, а на начальном этапе освоения колоний фактически по своему статусу приближавшихся к рабам), постепенно на смену констатации факта "рабы – черные" пришло умозаключение "рабы – потому что черные". Таким образом, именно презрение к рабу является первичным, "тогда как раса – идеологическая категория, оправдывающая определенные формы неравенства, может в этой перспективе рассматриваться как социально предопределенное понятие. Однако в дальнейшем она сама начинает предопределять социальные отношения, не являясь более простым отражением социально-экономического принуждения" (*Bonniol, 2007*, p. 40).

Монтескье в "Духе законов" саркастически высмеивает этот механизм обоснования социального неравенства биологическим: "Европейцы, истребив население Америки, были вынуждены обратить в рабство африканцев, чтобы иметь возможность обрабатывать такое количество земель. Сахар был бы непомерно дорог, если бы его не производили рабы. Эти последние – черные с ног до головы, к тому же у них такие приплюснутые носы, что к ним почти невозможно испытывать сострадание. Трудно себе представить, чтобы мудрейший Бог вложил душу, тем более – добрую, в абсолютно черное тело (...). Невозможно поверить, что это – люди, поскольку, если предположить подобное, то можно усомниться в том, что мы сами – христиане" (*Montesquieu, 1979*, Livre XV, chapitre 6).

Колониализм XIX века для своего оправдания нуждался в представлении о передовых и отсталых народах, о цивилизаторской миссии Запада и воспетом Киплингом "бремени белого человека"[2]. Так, Эрнест

[2] "Неси это гордое Бремя – /Родных сыновей пошли /На службу тебе подвластным/Народам на край земли – /На каторгу ради угрюмых /Мятущихся дикарей,

Ренан, имя которого ассоциируется у нас, прежде всего, с красивой фразой "нация – это каждодневный плебисцит", считал в то же время, что "в завоевании высшей расой страны, населенной низшей расой, нет ничего ненормального" (*Renan, 1871*). А республиканец и автор концепции светской школы Жюль Ферри утверждал, что "высшие расы имеют право завоевывать низшие расы, поскольку они обязаны цивилизовать их" (*Ferry, 1885*). Представление это глубоко укоренилось в общественном мнении, о чем свидетельствует сохранение чувства превосходства бывших колонизаторов по отношению к бывшим колонизованным – пусть даже теперь они формально равные между собой граждане одного и того же государства. Это чувство отнюдь не чуждо и русскому большинству в отношении "братских народов". Используемое в обывательской среде прилагательное "черный" имеет отношение не к цвету кожи, а к социальному статусу.

Так называемые культурные различия внутри одного общества всегда обусловлены социальными причинами. И культурное многообразие, которое почему-то принято относить на счет современности и процессов глобализации, – явление отнюдь не новое. История изобилует примерами сосуществования разных культур в рамках одного государства, причем речь тут идет не только об империях. Классический марксистский постулат относительно наличия в каждом обществе двух культур – культуры господствующего класса и народной культуры – абсолютно справедлив. Нередки и случаи, когда эти культуры использовали разные языки. До тех пор, пока отношения господства-подчинения в обществе базируются на жесткой сословной иерархии и достаточно непроницаемых межсословных границах, культурные отличия сами по себе не являются дискриминирующим фактором. Они не становятся препятствием для принадлежности к элите, космополитичной задолго до вступления человечества в "эпоху межкультурных взаимодействий", но и не дают возможности проникнуть в этот замкнутый слой тем, кому допуск туда заказан. Отметим важность генеалогии в функционировании сословно-монархических обществ, она многое объясняет в последующих логиках различения.

Все меняется, когда жесткие сословные перегородки рушатся. Когда аристократии противопоставляется меритократия (варианты: бюрократия, партократия). Когда ограниченные ресурсы становятся объектом свободной конкуренции, в которой выживает сильнейший. Власть, тем не менее, всегда тяготеет к выстраиванию по вертикали, и эта закономерность неизбежно ведет к тому, что на месте разрушенной иерархии постепенно возникает новая, как результат стремления тех, кто прежде был *ничем*, стать *чем-то* (по версии французской революционной идеологии) или даже *всем* (по версии идеологии большевиков). И вот уже новая элита ревниво охраняет свои привилегии и пре-

граждает доступ в свои ряды нежелательным элементам. В обществе, декларирующем формальное юридическое равенство, вновь и вновь воспроизводится и постепенно закрепляется фактическое неравенство, приобретающее форму оппозиции между большинством и меньшинствами. И в этой новой конфигурации неравенства культурные отличия приобретают особый смысл, выполняя функцию опознавательных знаков, разделительных линий. В зависимости от принятого в том или ином обществе образа мыслей и действий, они могут служить пропуском в высшие сферы или преградой для социального продвижения, быть причиной стигматизации, маргинализации, дискриминации, а иногда и представлять угрозу для жизни.

Вернемся к обсуждению связи рабовладения и расовых предрассудков. Последние актуализируются и усиливаются именно в тот момент, когда исходная бинарная система рабы (черные)/свободные (белые) начинает размываться в результате появления мулатов – свободных, но "не вполне" белых. В ответ на это нарушение исходного порядка, ставящее под сомнение "естественность" отношений господства/подчинения, не только предпринимаются попытки ограничить брачные союзы между рабами и свободными и отменить положение, согласно которому дети от таких союзов считаются свободными, но и формулируется доктрина расовой чистоты, основанная на генеалогической парадигме. Подобно тому, как в феодальном обществе имеет абсолютное значение древность и благородство рода, иллюстрировать которые призвано генеалогическое древо, в рабовладельческих и пост-рабовладельческих обществах важно уметь продемонстрировать, что на протяжении поколений в роду не было "черной", то есть "рабской" крови.

В 1841 г. гаитянский автор Линстант, опираясь на труды А. Токвиля, показал, что расовые предрассудки были сильнее на севере США, где рабство в тот момент было уже отменено, чем на рабовладельческом Юге, и сделал вывод о том, что на этом этапе предубеждения тесно ассоциируются именно с цветом кожи и уже абсолютно не связаны с рабовладением, а потому беспочвенны упования на то, что они исчезнут вместе с окончательной и повсеместной отменой рабства. Хорошо известный принцип "одной капли", согласно которому наличие даже отдаленных "черных" предков не позволяет человеку считаться белым, до сих пор действует в США. Во Франции, где расовый критерий утратил всякую юридическую силу с 1833 г., а в 1848 бывшие рабы стали полноправными французскими гражданами, расовые предрассудки и основанная на них дискриминация не изжиты по сей день.

Правда, сегодня в большинстве случаев исключение "другого" оправдывается не аргументами биологического расизма, а именно культурной отличительностью, подразумевающей наличие чуждых "нам"

ценностей. Однако тесная увязка внешних признаков с генеалогией, о которой речь шла выше, способствует биологизаторской интерпретации идентичности: формы поведения ассоциируются с определенным внешним обликом и, как считается, передаются по наследству, как и черты фамильного сходства (*Bonniol, 2007*). Индивиду приписываются некоторые характеристики, часто негативные, только потому, что в нем видят члена группы, которой, как считается, свойственны эти характеристики. Тем самым Другой априори ассоциируется с группой – к которой он, вполне возможно, не принадлежит (известна привычка российского обывателя причислять к "лицам кавказской национальности" всех обладателей внешности "южанина", в том числе, например, таджиков).

Боязнь Чужого – ксенофобия – основана на инстинкте самосохранения. Человечество на протяжении своей истории выработало мощный комплекс механизмов, направленных на подавление этого инстинкта (законы, государства, религиозные доктрины, просвещение, гуманизация нравов посредством литературы и искусства). Собственно, это противодействие инстинкту лежит в основе процесса социализации, задача которого – научить людей жить вместе. На этом пути достигнуты значительные успехи, люди более или менее научились контролировать инстинктивную ксенофобию. Но в ситуации, когда возникает дефицит жизненно необходимых ресурсов, в том числе – дефицит безопасности (объективный или субъективно ощущаемый), результаты социализации, особенно поверхностной, сходят на нет. Нравственные нормы любви к ближнему, взаимоуважения, солидарности вытесняются обывательской логикой борьбы за существование (или за место под солнцем), выживания поодиночке, жесткой конкуренции. Активизируются защитно-оборонительные и агрессивно-наступательные механизмы, онтологическая потребность в безопасности берет верх над либеральным стремлением к свободе. Достаточно вспомнить, с какой покорностью были восприняты по всему миру небывалые меры безопасности под предлогом борьбы с террористической угрозой: установка камер видеонаблюдения, прослушивание телефонных разговоров, контроль интернет-сообщений, введение биометрических паспортов. Одной из первых реакций на разразившийся мировой экономический кризис в России стала акция участников движений "Наши" и "Местные", потребовавших выдворения из страны всех мигрантов, в том числе легальных. Характерны и сами названия упомянутых организаций, очевидно противопоставляющих себя "не-нашим" и "не-местным".

Эта защитная, охранительная позиция также может рассматриваться как проявление инстинкта самосохранения на коллективном уровне. "Чужой" с его непонятной, а потому пугающей культурой предстает как угроза для так называемой коллективной идентичности, а точнее –

для господствующих в том или ином обществе представлений о социальной норме, о "типичном", "усредненном" портрете того, кто считается в этом обществе "нашим", "местным", "коренным" (последний концепт вновь отсылает к генеалогии: "а вы, простите, местный в каком поколении?"). Проблема в том, что по мере роста мобильности населения портрет перестает соответствовать оригиналу. Бывшие на протяжении столетий "центральными", категории вроде американского WASP (белый, англосакс, протестант) или французского BBR, сине-бело-красный, по цветам национального флага (белый, католик, человек среднего достатка), перестают быть таковыми. И бесполезно строить бетонный забор на границе с Мексикой: в некоторых американских штатах испанский язык уже потеснил английский; да и вновь избранный 44-й президент США олицетворяет перемены в составе политической элиты страны. Столь же бессмысленны и обречены на неудачу попытки европейских стран и России закрыться от мигрантов или относиться к ним как к временной рабочей силе. Наивный принцип "есть потребность в рабочих руках – позовем мигрантов, а наступит спад в экономике – покажем им на дверь" невозможно воплотить в жизнь. Придется осознать, что вчерашние мигранты и их дети – это тоже "наши", "местные". Не говоря уже о тех, кого принято неуклюже именовать "этническими россиянами", т. е. нерусские по культуре группы населения, некогда вошедшие в состав России. И не стоит тратить время и силы на споры о том, кто более "коренной" и кто "гость". Бессмысленно делать ставку на "закрытую", "жесткую", "исключающую" концепции коллективной идентичности. Такой, на наш взгляд, неудачной и ошибочной попыткой был так называемый "новый русский проект", предложенный от имени партии Единая Россия И. Демидовым. Проект, фактически предписывающий всем жителям страны стать русскими. Именно русскими, а не россиянами! По сути, это своеобразная форма реализации лозунга "Россия для русских". В последнее время об этом проекте как бы забыли, но не нужно думать, что он снят с повестки дня. Об этом свидетельствуют и продолжающиеся усилия по введению в школьную программу курса "основ православной культуры"; и новый государственный праздник, отнюдь не способствующий, вопреки своему официальному наименованию, формированию национального единства, но зато ежегодно становящийся поводом для проведения "русских маршей"; и недавно введенный орден "Родительская слава" в форме креста, сразу же вызвавший и протест со стороны духовного управления мусульман[3], и нежелательные ассоциации с существовавшим в гитлеровской Германии "крестом немецкой матери".

[3] Сопредседатель Совета муфтиев России, глава Духовного управления мусульман

Сильная, закрытая идентичность возможна в двух вариантах, которые П. Тагиеф определяет как *гетерофобию* и *гетерофилию*. Первый вариант проявляется в отторжении любого отличия и в отказе принять Другого, если он не похож на нас. Необходимым условием интеграции культурно отличительного населения является в рамках этой стратегии его полная и безоговорочная ассимиляция, поглощение. Второй вариант – гетерофилия – заключается в абсолютизации разницы между нами и Другими и в сознательном культивировании и поддержании всех и всяческих различий, что ведет к полному взаимному отказу от интеграции (Taguieff, 1997, с. 113-114).

Нельзя забывать и о том, что стремление к утверждению сильной, закрытой коллективной идентичности имеет мощную тотализирующую составляющую, оно неминуемо предполагает нивелирование индивидуальности и ограничение свободы членов коллектива (в данном случае – сограждан). Бессмысленно и бесперспективно пытаться "подогнать" россиян под некую "русскую идею". Лучше отдать предпочтение расширительному, гибкому, открытому пониманию коллективной идентичности, созданию образа "мы", в котором сможет узнать себя каждый гражданин России, а не только русскоговорящий, православный, со "славянской" внешностью. Для обеспечения гражданской лояльности и общественного согласия добиваться единомыслия и единообразия не только бессмысленно, но даже вредно.

Литература

Allport, 1958 – Allport G. W., *The Nature of Prejudice*. New York, Doubleday & Cy, Inc., 1958.

Berting, 2001 – Berting, Jan. Identités collectives et images de l'Autre: les pièges de la pensée collectiviste //*Hermès*, n°30. 2001.

Bonniol, 2007 – Bonniol Jean-Luc. Racialisation ? Le cas de la colorisation coloniale des rapports sociaux //*Faire savoirs*, n°6, mai 2007.

Ferry, 1885 – Ferry J. Allocution devant la Chambre des députés. 28 juillet 1885.

Montesquieu, 1979 (первое издание – 1748) – Montesquieu, Charles. *De l'Esprit des lois*. Paris : Garnier : Flammarion, 1979.

Renan, 1871 – Renan Ernest. La réforme intellectuelle et morale. 1871.

Taguieff, 1997 – Taguieff, Pierre-André, *Le racisme*. Paris, Flammarion, 1997.

Villain-Gandossi, 2001 – Villain-Gandossi, Christiane. La genèse des stéréotypes dans les jeux de l'identité/altérité nord-sud //*Hermès*, n°30, 2001.

Поволжья Мукаддас Бибарсов в публикации газеты *Деловой Петербург*, 12:26 30 мая 2008 года. *ISSN 1606-1829 (Online)*.

Насельники и насильники:
опыт критического анализа понятий "коренные народы", "меньшинства" и "мигранты"

С. В. Соколовский

Введение

По меньшей мере, половина нынешнего населения планеты являются свидетелями целой серии социальных революций[1], каждая из которых кардинальным образом меняла привычный уклад их жизни, принося радикальную новизну – то, чего прежде не видывали, не слыхивали, и о чем даже не помышляли. Революций было так много и они разворачивались или следовали одна за другой столь густо и тесно, что сам феномен радикальных изменений уже тривиализован: усталое от потрясений сознание обывателя среднего и старшего возраста перестало воспринимать радикальность нового, бессознательно присваивая ему статус уже пережитого ("эк удивили...", "в очередной раз", "какая-то невидаль..." и т. п.). Невозможно жить в режиме каждодневных сенсаций – разум превращает их в обыденность: невиданное становится deja vu, неслыханное – комбинацией уже встречавшегося, невероятное – многократно пережитым. Потоки товаров, людей и идей фактически упраздняют прежде малопроницаемые границы; самые укромные уголки планеты стали излюбленными местами туристических паломничеств, а телевидение позволяет наблюдать за ними не сходя с дивана; сохранявшиеся еще каких-нибудь полвека назад более или менее изолированные группы обитателей горных долин, джунглей, полупустынь, тайги и тундры превратились в объекты торговли экзотикой, а представители этих групп, давно освоив Нью-Йорк, Брюссель, Страсбург и Женеву, привычно заседают в ООН, ностальгически отстаивая право на отказ от интеграции в ту са-

[1] Революцией я, по уже сложившейся в социальных науках традиции, именую изменение любого измерения культуры или социума на порядок. Например, выражение 'транспортная революция' подразумевает увеличение скорости перемещения людей в 10 раз; 'печатная революция' – соответствующее возрастание объемов публикаций; 'революция в средствах информации и связи' – десятикратный рост охвата населения электронными *media* и т. д. Все возрастающие скорость, плотность и охват социальных революций и составляют в своей совокупности известный феномен глобализации, коренным образом меняющий образ жизни миллиардов людей.

мую цивилизацию, которая стала буквально на наших глазах глобальной и частью которой они персонально уже давно являются.

Понятие "коренные народы" лишь на первый взгляд представляется мало связанным с современными дискуссиями о мигрантах, их образами, политикой государства по отношению к ним и политикой самих мигрантов и их организаций в ответ на действия государства. Напротив, это понятие оказывается непосредственным, хотя и не вполне очевидным фоном таких дискуссий. Более того, с моей точки зрения, оно находится в средоточии правовых и политических дебатов о мигрантах, являясь своего рода оборотной стороной, или до поры скрытым центром этого дискурса.

Что объединяет политическую борьбу за права коренных народов с политическими дебатами относительно статуса и судеб мигрантов? Эти связи множественны и зачастую парадоксальны. Индигенизм – движение коренных народов за свои права – в отдельных своих чертах неожиданно проявляет консервативно-охранительный пафос антимиграционных протестов. Риторика антимиграционных политических движений правого спектра, типа российских "Движения против нелегальной иммиграции" (ДПНИ) или "Русское национальное единство" содержит набор тем и сюжетов, объединяющих ее с риторикой и языком политических заявлений лидеров организаций коренных народов. И там, и здесь мы сталкиваемся с требованием контроля над местными ресурсами, исключительным или преимущественным пользованием территорией. И там, и здесь идут дебаты об ассимиляции или интеграции, хотя эти понятия получают прямо противоположные оценки. "Коренные", местные, уроженцы, туземцы, аборигены, автохтоны – это концептуальная противоположность пришлым, мигрантам, колонистам, однако, движения тех и других объединяет серия сходств и параллелей, в основе которых лежит современная политика цифр, соотношения, доли и проценты "местных" и "пришлых", "своих" и "чужих", политизация времени и пространства.

Случай коренных народов – это тот самый случай, когда прежнее большинство, воспринимающее территорию проживания, край, землю как свою и связанное с ней интимными связями памяти, знания, любви – оказывается маргинализованным потоком пришельцев, колонистов, мигрантов, переселенцев, становясь меньшинством на территории, которую она считала своей собственной, если не юридически, то по праву рождения. Здесь, как и в случае ксенофобного дискурса о мигрантах, местное население оказывается резко противопоставленным пришельцам. Параллели между правилами и процедурами натурализации в некоторых государствах и индивидуального или группового обретения статуса "коренных" подчас просто поразительны. Нарушения ин-

дивидуальных прав в случае отказа в натурализации или отказа со стороны индигенного сообщества в признании членства в отношении конкретного человека (на таких основаниях как доля крови, межэтнический брак, отъезд или источник доходов и т. п.) являются объектами судебных разбирательств по обе стороны Атлантики.

Этнические интерпретации миграции

Тема отношений между "местными" и "понаехавшими" и игры идеологических оценок со знаками "плюс" и "минус" в зависимости от того, оказались "местные" на данной территории в большинстве или меньшинстве, иными словами, считают ли они пришельцев колонизаторами или мигрантами, сколь бы привлекательной для анализа она ни была, не является объектом рассмотрения в этой статье. Отправной его точкой служит другой парадокс, более, если можно так выразиться, специальный. Это парадокс известен антропологам, но редко обращает на себя внимание работающих в этой области правозащитников и юристов. Его разрешение связано не столько с трудностями логического и концептуального порядка, сколько с особенностями, если говорить о России, здешней политической культуры и этики. Речь идет об известном противоречии между прогрессирующей эссенциализацией и натурализацией как статуса, так и понятия "коренной народ" на фоне распространения и роста скептического отношения к натуралистическим и эссенциалистским трактовкам народов, наций, государств и других социальных, политических и правовых категорий в академическом сообществе. В то время как большинство представителей социальных наук во всем мире все чаще считают натуралистические трактовки социальной реальности ошибочными, политики и лидеры индигенистских организаций и движений с помощью нанимаемых ими адвокатов и юристов все активнее используют националистические, этницистские и откровенно расистские подходы, возрождая концепцию народа как единства крови и почвы и конструируя границы групп на основе генеалогий и натуралистических трактовок связи с территорией и традицией. Россия на этом фоне отличается лишь тем, что этот парадокс здесь мало кем осознается. Это происходит, видимо, потому, что конструктивистские интерпретации этнических феноменов и национализма в нашей стране все еще продолжают оставаться достоянием исключительно узкого круга лиц; они остаются неизвестными большинству политиков, юристов и даже представителей собственно социальных и гуманитарных дисциплин за рамками, пожалуй, лишь таких дисциплин как антропология и социология. У нас это сугубо идеологическое противостояние осложняется еще и тем обстоятельством, что коренных народов в клас-

сическом смысле этого слова и даже в том смысле, который в это понятие вкладывается современным международным правом, с моей точки зрения, уже нет[2].

Не только в России, но и в таких странах "развитой демократии", как Германия, Франция и США миграция, а также взаимодействие мигрантов с местным населением нередко интерпретируются в этнических терминах. Это, помимо прочего, означает неизбежное редуцирование социальных взаимодействий и борьбы за ресурсы к так называемым "межэтническим отношениям". Этнические группы при такой интерпретации наделяются собственной волей к принятию согласованных решений и их эффективной реализации, способностью к координированным действиям, интересами, эмоциями, то есть всем тем, что свойственно полноценным субъектам действия, индивидам. Между тем такие рыхлые в социальном отношении сообщества как мигранты (и даже организованные в представительные институты диаспоры) вряд ли могут обладать столь внушительным набором свойств субъекта. Таким набором могут обладать лишь хорошо функционирующие корпорации или основанные на непосредственных контактах малые группы типа семьи или криминальной группировки. Сравнение характеристик корпорации и группы меньшинства, заведомо более однородной, чем категория "мигранты", представлено в Таблице.

Стоит отметить, что пункты 1-4, необходимые для создания дееспособности группы, не нужны для деятельности на индивидуальном уровне, а пункты 5-8 рутинно используются любым индивидом, в том числе и при эффективном пользовании правами. Таким образом, как для корпораций, так и для отдельных лиц осуществление деятельности для защиты собственных интересов не представляет особых проблем. Однако большинство из перечисленных выше шагов недоступно для национальных (этнических) меньшинств, в особенности, для расселенных дисперсно. Например, для всех представителей такой группы трудно создать ясные критерии членства, поскольку часть из этих представителей

[2] Напомню, что идеально-типическими и эталонными объектами Конвенции МОТ № 169 являются охотники-собиратели типа бушменов сан и кунг, пигмеев тропической Африки, некоторых племен амазонской сельвы и т. п., а также группы, практикующие подсечное земледелие и т. п. (см. ниже определение Всемирного банка 1982 г.). Китай и Индия отрицают наличие коренных народов в смысле этой Конвенции на своей территории. Статус многих приближающихся к этому образу жизни групп из Юго-Восточной Азии и Африки оспаривается из-за конкурирующих претензий на автохтонность, на статус первопоселенцев на данной территории, а также по причинам исторически мозаичных и запутанных систем доминирования и подчинения, когда так называемые племенные народы оказывались завоевателями и колонизаторами по отношению к землям народов, имеющих собственные территориально-политические образования и т. п.

будет обладать сложной идентичностью (на основе, например, смешанного происхождения), другая станет оспаривать выдвигаемые критерии (а при отсутствии легитимной основы отбора участников дискуссии, поскольку в ней по определению уже должны участвовать только "свои", проблема становится неразрешимой), а третья просто не примет участие в обсуждении из-за удаленности или отсутствия интереса.

Таблица. *Сравнение дееспособности индивида, корпорации и группы меньшинства*

		корпорация	**"группа" (представительство) меньшинства**
КОРПОРАЦИЯ		1) создание четких границ группы (группового членства, идентичности)	разработка критериев членства заменяется самоопределением или непроясненными представлениями о том, кто может претендовать на членство
		2) разработка собственной конституции (устава), с которой согласятся подавляющее большинство ее членов	представители оказываются разными в смысле политических предпочтений и экономического статуса, имеют разные представления о собственной культуре и языке и ориентируются на разные референтные сообщества
		3) разработка процедур выборов и структуры	"группа" (представительство) меньшинства
		4) выбор руководства	
	индивид	5) определение целей деятельности группы	
	индивид	6) разработка стратегии и плана действий для достижения этих целей	
	индивид	7) деятельность по достижению целей	
	индивид	8) оценка действий и адаптация стратегии и планов	

Тем сложнее в условиях отсутствия четкой идентичности и критериев членства создать дееспособность, необходимую для носителя прав. Представители такой группы, как правило, оказываются разными в смысле политических предпочтений и экономического статуса, имеют разные представления о собственной культуре и языке и ориентируются на разные референтные сообщества. Групповая дееспособность в такой ситуации представляется утопией. Еще менее вероятно, чтобы такие сообщества могли эффективно решать проблемы, рутинно решаемые субъектами права. Представление об умениях и способностях,

необходимых для полноценного правового субъекта, отражено на Рис. 1 Приложения.

Коренные народы и меньшинства

Все вынесенные в заглавие статьи понятия – "коренные народы", "меньшинства" и "мигранты" – входят в обширное семантическое поле, обозначающее социальные категории и, иногда, группы людей, объединяемых на основании их отличительных характеристик либо извне (учеными, журналистами, политиками, 'местным' населением и т. д.), либо "изнутри" этих сообществ, людьми в них включенными. Помимо этих понятий, рассматриваемых в рамках анализируемых здесь проблем в качестве центральных, в это семантическое поле входят и такие концепты как диаспора, нация, национальность, соотечественники, аборигены и многие другие. Два главных понятия из этого поля – "меньшинства" и "коренные народы" – отражены в обширном корпусе международного права и в принципах деятельности многих международных организаций. Государства-члены этих организаций в силу уже этого одного обстоятельства начинают все шире использовать эти понятия в собственных законодательствах, хотя различия в формах правления и в правовых системах этих государств не могут не отражаться как на содержании этих понятий, так и на особенностях их использования в правоприменительной практике.

Начнем с констатации различий в концептуальных подходах к выделению таких субъектов правового регулирования как "меньшинство" и "коренной народ" в международном праве, с одной стороны, и в российской законодательной и правоприменительной традициях, с другой. Если рассматривать ситуацию с защитой прав меньшинств и коренных народов в Европе в целом, то наличие национальных особенностей в регулировании и защите прав этих категорий населения, как и в способах и приемах выделения и определения самих этих субъектов, не должно нас удивлять. Каждая из стран зрелой демократии, таких как Великобритания, Франция, или ФРГ, также обладает национальными особенностями в этой сфере, создающими известные проблемы для применения международных стандартов. Источником этих отличий являются не только правовые системы этих стран, но и национальные научные традиции исследований культур и обществ, в том числе дисциплинарные. В этом смысле мы вполне обоснованно можем вести речь о наличии французской, британской, немецкой и российской традиций антропологических исследований, несмотря на их взаимовлияния и многочисленные заимствования. Нередко эти традиции обретают институализацию в качестве самостоятельных наук, что и является выра-

жением национальной специфики, о которой только что шла речь. Специалистам известно, что обширная тематика, связанная с изучением иных народов и культур, институализировалась в Великобритании как социальная антропология (social anthropology), в Германии – как народоведение (Völkerkunde), во Франции – как этнология, а затем социальная антропология (ethnologie, anthropologie social), а в России – как этнография, трансформирующуюся на глазах нынешнего поколения исследователей в этнологию и социально-культурную антропологию.

Важным для нашего рассмотрения аспектом такой институализации различий в исследовательских подходах явилось создание уникальных для каждой из этих традиций систем понятий (тезаурусов) и терминосистем, отражающих специфику решаемых в них проблем. Наличие специфических тезаурусов и обслуживающих их терминосистем не могло не повлиять, в свою очередь, на сферы политики и права, и в частности на такую специфическую область их приложения как управление культурными различиями и защита языковых и культурных прав. В свою очередь, правовые и политические системы этих стран не могли не влиять и влияли подчас весьма существенным образом на формирование и эволюцию этих специализированных тезаурусов и терминосистем, обусловливая большую близость между понятийными системами стран, столкнувшихся со сходными внешнеполитическими проблемами. Примером могут служить систематические отличия в теоретических подходах к концептуализации межгрупповых отличий в странах, имевших обширные колониальные владения (таких как, например, Великобритания и Франция), от стран, таких владений не имевших или обретавших их на короткое время и в значительно меньшем масштабе (таких как Германия и Россия). Политическое манипулирование границами понятий "свои" и "чужие", необходимое при осуществлении программ натурализации, привлечения дешевой рабочей силы, управления иммиграционными и эмиграционными потоками, различных стратегий языкового планирования и т. п., основывалось на поставляемых социальными и гуманитарными науками таксономиях языков и культур, с одной стороны, и активно поддерживало определенные и необходимые государству направления исследований, с другой.

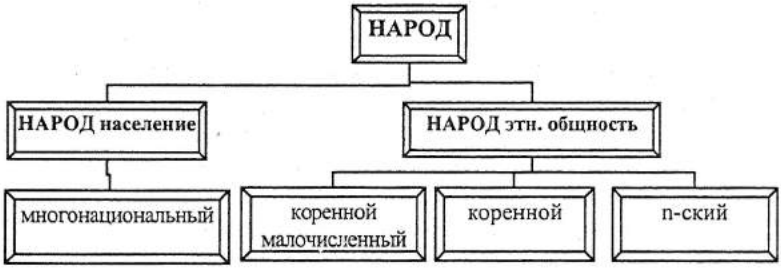
Политики и юристы часто пользуются такими понятиями как народ (этнос), меньшинство, диаспора, нация, национальность, соотечественники, аборигены, коренные народы и т. д., однако, затрудняются определить на практике, относится ли то или иное конкретное сообщество или лицо к одной из названных выше категорий. В результате юристы сталкиваются с такими ситуациями в своей практической работе, которые оказываются неразрешимыми без этнологической экспертизы. Например, руководство Департамента по делам религиозных

и общественных объединений Министерства юстиции РФ обращалось в РАН в связи с порядком регистрации национально-культурных автономий в регионах. От ученых требовалась разработка четких критериев определения ситуации меньшинства в регионе для разрешения спорных случаев (например, обращения НПО казаков и поморов с просьбами о регистрации их автономий и выделении соответствующих средств из федерального и местного бюджетов). Множество ситуаций, требующих этнологического консультирования и экспертизы, возникает во взаимодействии лесозаготавливающих, горно- и нефтедобывающих компаний и коренного населения, например, в ходе определения границ территорий традиционного природопользования в соответствии с законодательством, принятым в ряде регионов страны, присвоения конкретным объектам статуса памятников культурного наследия и т. п. Требует анализа и обобщения международный опыт урегулирования проблем, связанных с интеллектуальными правами собственности. В частности такая потребность возникает при использовании знаний коренного населения в разработках фармацевтических компаний, а также при использовании традиционных орнаментов и рисунков и приемов обработки в современных промышленных дизайнерских технологиях и т. п. Однако прежде, чем принимать обоснованное правовое решение, и юристам, и ученым следует иметь четкое представление о том, какие локальные сообщества и группы в соответствии с зафиксированными правом их определениями и признаками могут относиться к категориям меньшинств и коренных народов, а какие – нет.

Этнологи принимали непосредственное участие в подготовке и обсуждении большинства российских законов, действующих сегодня в сфере защиты прав меньшинств и коренных народов, и хорошо знакомы как с законодательной базой, существующей в этой области, так и с правоприменительной практикой и кругом проблем, с которыми сталкиваются все участники правовых отношений в этой сфере. Нужно отметить, что состояние терминологии этой законодательной базы остается крайне неудовлетворительным. Такое положение объясняется существованием на разных этапах формирования законодательства в сфере защиты прав меньшинств и коренных народов противоборствующих политических программ, отражающих взгляды разных социальных групп российского общества. Только в текстах действующих сегодня конституций республик в составе Российской Федерации содержатся более 20 терминов и ассоциированных с ними понятий, используемых для обозначения категорий и групп граждан со специфическими культурными, языковыми, этническими и конфессиональными потребностями и интересами, начиная со сталинской триады "племя – народность – нация" и заканчивая нечетко определенными

"национальными группами", "малочисленными этническими общностями" и "диаспорами". Часть из них представлена в Приложении (Таблица 1).

Рисунок 1. *Система терминов для обозначения понятий* ***народ*** *(население) и* ***народ*** *(этническая общность) в российском конституционном праве*



Лишь часть этих понятий по своему содержанию и объему соответствуют понятиям, используемых в федеральной конституции и международном праве. В разрабатываемых сегодня законопроектах и уже принятых законодательных актах число терминов, используемых для обозначения объектов этнокультурной политики, оказывается еще бóльшим. Упорядочивание этой терминосистемы затрудняется не только отсутствием согласия по целому ряду существенных для рассматриваемой темы позиций среди представителей политической элиты страны, но и наличием противоборствующих подходов внутри российского научного сообщества. Дело в том, что в современных социальных науках различные теоретические модели этнического интенсивно развиваются уже около 40 лет, что соответствует, как минимум, двум поколениям исследователей. За это время накоплено значительное количество наблюдений и подробно исследованы политические и социальные влияния этничности. В тот же период в антропологии изменились сами объекты наблюдений и аналитические единицы, традиционно используемые для сравнительных исследований. Может показаться, что эти трансформации в предмете и объектах ряда социальных наук не имеют отношения к правовому регулированию, призванному защищать права и свободы граждан. Однако такой взгляд страдает близорукостью: хорошо известно, что хотя и с некоторым запаздыванием категоризации и классификации, разрабатываемые в рамках социальных наук, становятся публичным достоянием и фактором в принятии политических решений.

Современная международная система защиты меньшинств основывается на значительном корпусе документов, которые можно разделить на так называемое "твердое" (юридически обязывающие нормы) и "мягкое" (общие принципы и декларации) право; важнейшие из них приведены в Таблице 2 Приложения. Важнейшей международной нормой в области защиты прав меньшинств из всего комплекса перечисленных выше инструментов остается до сегодняшнего дня Статья 27 Международного Пакта о гражданских и политических правах. В связи с интерпретацией содержания этой статьи уместно отметить, что в соответствии с Общим комментарием Комитета ООН по правам человека ее защита не ограничивается гражданами страны (Nowak 1989; Parker 1999), в то время как, например, определение меньшинства, данное специальным докладчиком Комиссии по правам меньшинств Ф. Капоторти, на которое часто ссылаются, а также понятие меньшинства, используемое в Европейском совете[3], содержит гражданство в числе ключевых признаков. Эксперты, анализировавшие подготовительные документы и содержание Статьи 27 пришли к заключению, что защитные нормы этой статьи могут рассматриваться не только в качестве прав граждан, но и в качестве прав человека (Comment 1994), что означает их распространение на неграждан и иностранцев, пребывающих на территории страны. Это заключение необходимо учитывать российским законодателям и политикам, в особенности если принять во внимание то обстоятельство, что Россия пока не подписала Европейскую конвенцию о правовом положении рабочих-мигрантов и Конвенцию об участии иностранцев в публичной общественной жизни.

Российская система охраны прав меньшинств опирается на совокупность норм и принципов международного права, соответствующие конституционные нормы, нормы федерального и региональных законов, принятых в сфере регулирования прав меньшинств (законы и специальные про-

---

[3] В соответствии с определением "национального меньшинства", принятым на 44-й сессии ПАСЕ в феврале 1993 г. в качестве Статьи 1 в Рекомендации 1201, это понятие определялось следующим образом:

"Группа лиц в государстве, которые:

a. проживают на территории этого государства и являются его гражданами;

b. поддерживают длительные и устойчивые отношения с этим государством;

c. обладают отличительными этническими, культурными, религиозными или языковыми характеристиками;

d. достаточно представительны, хотя и уступают в численности остальному населению этого государства или региона в этом государстве;

e. мотивированы заботой о сохранении того, что составляет их общую идентичность, включая их культуру, их традиции, их религию или их язык".

(PACE Rec.1201 on an additional protocol on the rights of national minorities to the European Convention on Human Rights, 1 February 1993, Art. 1).

граммы о языках, образовании, культуре и др.). Обеспечение прав меньшинств в России имеет ряд особенностей, к числу которых можно отнести:

- специфику российского подхода в трактовке понятия "меньшинство";
- отсутствие общефедерального закона о меньшинствах при наличии серьезных международных обязательств в этой сфере;
- разнообразие реальных правовых режимов обеспечения прав меньшинств в субъектах РФ, обусловленное наличием или отсутствием специальных правовых инструментов в республиканском законодательстве[4].

Помимо этого, в России существует развитая система законодательства, защищающая права коренных малочисленных народов. Россия также является членом ряда международных и региональных организаций (ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ и др.) и в силу этого обстоятельства в своей внутренней политике регулирования прав меньшинств и коренных народов с необходимостью должна следовать подходам, принципам и рекомендациям, выработанным в этих организациях. Помимо прямых обязательств, налагаемых Европейской рамочной конвенцией по правам меньшинств, существуют весьма важный для области охраны прав меньшинств корпус рекомендаций, разработанный экспертами ОБСЕ в рамках деятельности Комиссара по правам меньшинств, в частности Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование (октябрь 1996 г.), Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств (февраль 1998 г.) и Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (сентябрь 1999 г.). Следует отметить, что, несмотря на их характер, устанавливающий новые общеевропейские стандарты в этой области, они не были в достаточной степени учтены в существующих разработках и проектах этнокультурной и языковой политики в России. Их учет в такого рода разработках представляется необходимым. Еще одним важным источником совершенствования текущей политики и ее стратегического планирования являются мнения Консультативного комитета Евросовета по выполнению Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств[5].

Ряд проблем практического характера возникает из-за разночтений и пока еще не преодоленных сложностей сопоставления норм международ-

---

[4] Подробнее о законодательстве на региональном уровне см.: Право и этничность в субъектах Российской Федерации. М, 2004.

[5] Первый Государственный доклад РФ по выполнению Конвенции был получен Консультативным комитетом 8 марта 2000 г.. 11-15 февраля 2002 г. делегация Консультативного комитета посетила Россию с целью получения дальнейшей информации о выполнении Конвенции. Мнение Комитета было опубликовано в российских СМИ в 2002 г. (Мнение 2003). Второй доклад был представлен в Совет Европы 26 апреля 2005 г. и охватывает период с 2001 по 2004 гг.

ного права и соответствующего российского законодательства. В Таблице 3 Приложения приведен краткий перечень норм международного права (из числа ратифицированных Россией документов, относимых к категории обязывающих, или так называемого "твердого права") в сопоставлении с нормами внутреннего законодательства федерального уровня.

Несмотря на наличие большого корпуса правовых документов, имеющих непосредственное отношение к регулированию и защите прав национальных меньшинств и коренных народов, на практике постоянно возникают проблемы с определением статуса конкретной группы. В частности при применении закона о национально-культурной автономии работники региональных отделений Министерства юстиции столкнулись с проблемой критериев определения конкретного этнокультурного сообщества как меньшинства на данной территории. Закон не дает конкретных рекомендаций и строгого определения, позволяющего принимать решения в спорных и пограничных случаях, а таковых оказалось немало. Например, поморам в Архангельской области удалось зарегистрировать национально-культурную автономию, в то время как ассоциациям русских в Татарстане и татар в Башкортостане было в такой регистрации отказано. Одновременно русские НКА были зарегистрированы в ряде субъектов РФ (Адыгее, Карачаево-Черкесии, Владимирской, Калининградской, Курганской и некоторых других областях). К спорным случаям в рамках применения закона о национально-культурной автономии специалистами отнесены и казаки с их организациями, а также организации некоторых самопровозглашенных народов, возникших на основе использования исторических этнонимов - чудь, булгары и др. Национально-культурные автономии длительное время после принятия закона не использовались как организационная форма региональными ассоциациями коренных малочисленных народов, однако, в последнее время эта ситуация меняется (созданы НКА эвенков Сахалина, бесермян Удмуртии, кумандинцев Республики Горный Алтай и вепсов Республики Карелия).

Для того, чтобы представлять сложность критериального определения ситуации меньшинства недостаточно использования исключительно правового подхода. Среди правоведов иногда можно встретить мнение, что для регулирования прав человека, лиц, принадлежащих к группам меньшинств или коренных народов достаточно учета существующих международных норм и государственных обязательств, вытекающих из конституционного права. Этот легалистский подход, во многих случаях достаточный, неверен в целом, поскольку, как известно, юридические понятия и правовые системы всегда отсылают к чему-то иному, лежащему за их пределами. "Через эволюцию права и действие его норм они непосредственно указывают на то материальное условие, которое

определяет их опору в социальной реальности" (Хардт, Негри 2004: 35). Учет этого обстоятельства заставляет специалистов, занимающихся разработкой основ этнонациональной политики, опираться в своих формулировках помимо права на данные многих обществоведческих дисциплин – социологии, антропологии, политических наук и др.

В целом, если говорить об отечественных подходах к пониманию термина "меньшинство" в рамках социальных наук, то можно утверждать, что несмотря на довольно широкий спектр позиций, расходящихся во многих деталях, все же существует некоторое согласие, в основе которого лежит признание, по меньшей мере, двух основных признаков групп меньшинств – их относительно меньшей численности и их подчиненного, недоминирующего положения, обусловливаемого и вытекающего из их малочисленности (Рис. 2). Однако даже в этом элементарном представлении содержится множество трудностей. Например, выражение "относительная численность" заставляет говорить о границах территории, на которой данное сообщество выступает как меньшинство – относительно какой совокупности населения рассчитывается эта доля?

Рисунок 2. *Компоненты значения понятия "меньшинство"*

В России весьма типичны случаи, когда представители одной и той же этнической категории являются меньшинством в границах государ-

ства и большинством в границах субъекта Федерации. Другой пример в этой связи – так называемые ирредентистские меньшинства, проживающие по обе стороны государственных границ. Здесь следует помнить, что не все государственные границы в мире соответствующим образом демаркированы и подтверждены международными договорами и соглашениями. Представители таких меньшинств могут пытаться оспорить законность границы, само существование которой низводит "самоопределяющийся народ" до положения "меньшинства". Наиболее ярким современным примером меньшинств этого типа в мире являются курды, однако в сходном положении находятся, например, армяне (Армения и Азербайджан), азербайджанцы (Азербайджан и Иран), осетины (Россия и Грузия), лезгины (Россия и Азербайджан), шугнанцы (Таджикистан и Афганистан), некоторые группы русских, казахов, киргизов, таджиков на территории стран СНГ и др.

Территориализация этничности (привязка народов и меньшинств к конкретным регионам или местам происхождения), разделение населения на пришлых и коренных приводит, помимо роста конфликтности в обществе, к возникновению в политическом дискурсе (а через него – и в законодательстве) таких абсурдных с точки зрения логики терминосочетаний, как "этнические россияне" или "коренные народы России"[6]. Теоретико-правовое решение проблемы базовой совокупности, относительно которой определяется меньшая численность в международном праве, связано с толкованием соответствующих норм международных договоров (в особенности 27 Статьи Пакта о социальных и культурных правах) и имеет иной характер, чем рассмотрение той же проблемы в контексте социальных наук (ср. типологию в: Schermerhorn 1970):

Положение в системе властных отношений	Относительная численность	
	Большая	Меньшая
Доминирующее	Большинство	Элита
Подчиненное	Подчиненные массы	Меньшинство

[6] Речь сейчас не идет о перечне "коренных малочисленных народов России" (это понятие будет подробнее рассмотрено ниже), но об особой категории законопроекта "О репатриации в Россию русских и других коренных народов России", внесенного депутатами Госдумы А. Н. Савельевым и А. В. Чуевым в Комитет по делам национальностей в октябре 2004 г., в котором "национальность лица" определялась по национальности родителей, а в сам перечень были включены, помимо русских, "родственные и исторически единые с ними" белорусы и украинцы, а также все так называемые "титульные" и малочисленные народы, общим числом 83 ("О репатриации в Россию русских и других коренных народов России", проект федерального закона № 90759-4).

Эта типология построена на двух неявных посылках: 1) суждение об относительной численности групп обретает смысл лишь тогда, когда обе группы принадлежат одному социальному организму, иными словами, контактирующие сообщества должны быть инкорпорированы в единую социальную систему, влияющую на значительное число сторон их социального бытия; 2) использование термина "меньшинство" основано на "моральном суждении демократического общества" (Petersen 1965: 235), когда социальное положение группы зависит, главным образом, от ее численности. В колониальных, феодальных и тоталитарных обществах понятие становится излишним, поскольку процесс принятия политических решений целиком контролируется элитой и численное соотношение групп на него не влияет. Лишь тогда, когда формальные политические права становятся реальными, численность "уязвимых групп" начинает влиять на расстановку политических сил. Таким образом, термин "меньшинство" уместно использовать лишь тогда, когда численность группы может рассматриваться как политический ресурс.

Эти соображения заставляют весьма осторожно подходить к анализу положения реальных этнических сообществ в государствах, относительно демократичности режима которых существуют сомнения. Именно сопоставление признаков относительной численности группы и ее положения в системе властных отношений позволяет говорить о демократическом обществе как об уникальной среде, в которой понятия "меньшинство" и "большинство" обретают социологическую определенность и полноценность. В политических режимах, где массы бесправны и где численность группы никак не связана с ее весом и влиянием в обществе, понятия "меньшинство" и "большинство" не работают. Их использование при анализе будет просто маскировать реальную ситуацию, в которой роль играет не численность группы, а ее эффективный доступ к власти или ресурсам, обеспечивающим власть (представительство группы в силовых ведомствах, политической элите, богатство, вооруженность и т. п.). В таких политических контекстах уместнее применять понятия "элита" и "масса", или уязвимые (депривированные, недоминирующие, маргинальные, люмпенизированные и т. п.) и господствующие (доминирующие) группы. К постсоветской специфике в трактовке рассматриваемого здесь понятия "меньшинство" следует отнести то обстоятельство, что в нашем политическом и, отчасти, правовом дискурсах "этническому меньшинству" зачастую противостоит не столько "большинство", сколько так называемые "титульный народ", "титульная нация" или "государствообразующий народ" (термин из некоторых законодательств республиканского уровня), или "государствообразующая нация" (прежний текст Конституции Казахстана, в которой впоследствии это понятие было устранено) – понятия малоизвестные нашим западным коллегам и совершенно чуждые языку международ-

ного права, задающему сегодня тон обсуждения проблемы меньшинств. Существуют и попытки объявить русских государствообразующим народом[7]. Игнорирование наличия в понятийном поле этих концептов, оказывающих серьезное влияние на содержание понятия "меньшинство" (например, наличие тезаурусных связей типа "меньшинство – титульный народ/нация"), создает иллюзию взаимопонимания между представителями разных стран – юристами, политиками, учеными, не осведомленными о дополнительных коннотативных и ассоциативных компонентах российской понятийной системы в этой области.

Некоторые из российских законодателей и экспертов, обосновывая неприменимость европейского подхода к определению групп меньшинств в аспекте численности группы ("составляющая меньше половины численности населения страны"), апеллируют к тому обстоятельству, что так называемые "титульные меньшинства" соответствующих республик доминируют демографически (большая численность в рамках республики) или эффективно (большая власть и контроль над ресурсами) и, соответственно, не нуждаются в дополнительной защите их прав. Однако международные обязательства России, как и зафиксированный Конституцией РФ принцип верховенства международных норм в случае их расхождения с внутренним законодательством, не позволяют использовать при определении групп меньшинств двойной масштаб (отдельная республика и страна в целом).

Поскольку в Российской Федерации не принят отдельный закон, регулирующий защиту прав меньшинств, а конкретные защитные нормы представлены в законодательстве о языке, культуре, образовании, национально-культурной автономии и т. д., сопоставление этих норм с инструментами международного права обычно затруднено. Именно поэтому для удобства такого сопоставления в Приложении приведена Таблица 3 с кратким перечнем норм международного права (из числа ратифицированных Россией документов, относимых к категории обязывающих, или так называемого "твердого права") в сопоставлении с нормами внутреннего законодательства федерального уровня. Табличная форма представления норм международного и внутреннего права существенно облегчает сопоставление и выработку предложений для совершенствования внутреннего законодательства.

Меньшинство, большинство и их дискурсивные стратегии. Дискурс большинства в силу многочисленности самой этой категории и неопределенности ее границ вмещает практически весь спектр возможных политических позиций, от лево- и праворадикальных до либеральных и центристских. В рассматриваемом здесь сюжете известный интерес имеет сходст-

[7] Проект федерального закона "О национально-культурном развитии русского народа", подготовленный депутатом от Конгресса русских общин Д. Рогозиным.

во между позициями и риторикой "большинств"[8] и "меньшинств", вопреки которому эти позиции именно в области политики и обосновывающих ее идеологических платформ оказываются парадоксальным образом полярными. Например, высказывание "В ухудшении экологии виноваты приезжие" опознается аналитиками как мигрантофобское, если оно принадлежит праворадикальной части большинства, и то же самое высказывание расценивается как патриотическое и справедливое как часть правозащитной риторики, если оно исходит из уст лидера какой-нибудь из организаций коренных народов. Слово "мигранты" в этих сравниваемых здесь дискурсах само получает противоположное семантическое наполнение, обозначая в первом случае представителей меньшинств, в особенности оказавшихся на данной территории сравнительно недавно, а во втором, как раз наоборот – представителей доминирующего большинства. То обстоятельство, что одни и те же слова и фразы обретают противоположные оценки и смыслы, заставляет нас внимательнее отнестись к риторике связи с землей и к известному феномену территориализации этничности, генетически восходящему к сформулированным еще Гердером романтическим концепциям народа в духе единства крови и почвы.

В этой связи стоит отметить появление материала о принятии Декларации ООН о правах коренных народов на сайте ДПНИ с симптоматическим заголовком "ООН рекомендует защищать права коренных народов" (ДПНИ 2007). Активисты ДПНИ, особенно активно борющиеся с "кавказскими нелегалами" на территории Поволжского федерального округа, явно относят к коренным именно себя как представителей "славянских народов". В подтверждение справедливости именно такой интерпретации можно привести выдержку из размещенного на этом же сайте материала "Национальная политика в России: из лета в осень":

" ... становится очевидным не только уровень влияния инородцев, но и широта охвата коррупцией нынешних властей. Доходит до идиотизма: в Саратове проведён показ мусульманской моды. Мужчины на этот показ не допускались. Сразу возникает вопрос – почему в *русском культурном центре* – г. Саратове, где консерватория построена третьей в России после Питера и Москвы – проведено иноверческое мероприятие, явно с дискриминационным подтекстом? Ведь отсутствие мужчин на показах одежды никак не укладывается ни в русские, ни в близкие им европейские представления о показах модной одежды. Дикость, да и только. Это называется "лезть в чужой монастырь со своим уставом".

[8] Я использую в данном случае множественное число, поскольку веду речь уже не только о России, но и о таких странах, как, например, США и Канада, где в дискурсе лидеров аборигенных организаций часто встречаются те же риторические стратегии и фразеология, что и в мигрантофобских высказываниях "белых большинств".

Но власти одобряют подобные мероприятия вместо того, чтобы послать ревнителей ортодоксального ислама куда подальше. А уж если бы кто задумал провести конкурс православной моды где-нибудь на *мусульманских территориях*, то в лучшем случае получил бы название "русского шовиниста" или, по нынешней терминологии, – "экстремиста" и "разжигателя" (курсив мой – С. С.).

Здесь важно отметить, что авторы текста намертво связывают географию и идентичность, мысленно выделяя внутри страны не только "русские" и "православные", но и "мусульманские" территории и разделяя их население на законных "насельников" и пришлых "насильников"[9].

Известный американский антрополог Арджун Аппадураи, размышляя о "месте туземца" и такой фигуре европоцентричного мышления, как постулируемая связь "туземцев" с населяемыми ими местами, землей, писал:

"Кто является "туземцем" в словоупотреблении антропологов? Немедленным ответом на этот вопрос будет: туземец – это тот, кто родился в наблюдаемом и описываемом антропологом месте (и, следовательно, принадлежит ему). Этот смысл слова native довольно узок, нейтрален и привязан к своей латинской этимологии. Но используем ли мы термин native одинаково для обозначения людей, которые родились в определенных местах и, таким образом, принадлежат им? Нет, не используем. Мы склонны использовать слово native для обозначения лиц и групп, которые были и остаются удаленными от западных метрополий. Ограничение, таким образом, оказывается отчасти привязанным к причудам наших идеологий подлинности последних двух веков" (Аппадураи 2000: 9).

Идеология подлинности в ее советском академическом варианте превратила характерный для европейских романтиков поиск "корней" и "исконных традиций" в междисциплинарную методологию этногенетических исследований, в свою очередь, сыгравшую важную роль в обосновании современных притязаний на территории лидеров многочисленных националистических движений (ср.: Шнирельман, 2000). Здесь этноцентристские концепции экспертного знания (исторического, этнографического, антропологического, социологического) смыкаются с "естественным" этноцентризмом разнообразных этнических антрепренеров (национальных или титульных элит, лидеров национально-культурных автоно-

[9] В материале "Саратовскую епархию беспокоит нетерпимость лидеров мусульман Поволжья", размещенном на этом же сайте, например, отмечается: "Особое возмущение у православных вызвало выступление руководителя одного из департаментов ДУМП, призвавшего "ограничиться установкой поклонных крестов в местах компактного проживания верующего православного населения". Согласно данным последней всероссийской переписи 2002 года, 90% жителей Саратовской области принадлежит к народам, традиционно исповедующим Православие. Так о каких же "местах компактного проживания" может идти речь? – задаются вопросом авторы заявления" (ДПНИ 2007).

мий и т. д.). Представителям титульных сообществ республик мигрантофобия столь же свойственна, как и защитникам "славянской чистоты", меняются лишь обоснования антимигрантской риторики: на место рассуждений об усугублении криминогенной ситуации за счет притока мигрантов приходят мотивы "этнического баланса", "этнодемографического равновесия", давления на социальную инфраструктуру и т. п.

Существует и своеобразие антимигрантского дискурса т. н. статусных коренных народов (коренных малочисленных народов РФ), в котором на первое место выходят экологические мотивы и пока нечасто встречаемый в России, но широко распространенный в мире мотив исторической собственности на землю. В ряде случаев такого рода обоснования буквально повисают в воздухе, поскольку исторические источники свидетельствуют об относительно позднем появлении представителей данного конкретного народа на данной конкретной территории. Правозащитники в этом случае обычно возражают, что дело не в логике первонасельничества, а в образе жизни "аборигенов". Однако анализ современной ситуации с образом жизни свидетельствует о том, что мы здесь сталкиваемся либо с привычными стереотипами, либо с сознательной политикой так называемого "стратегического эссенциализма", опирающегося на такого рода стереотипы в решении практических задач борьбы за ресурсы (политические, финансовые, моральные и т. д.).

Закрепленная международным правом с конца 1980-х гг. антиинтеграционистская политика в отношении групп коренного населения сталкивается с определенными трудностями концептуального порядка. Критика изоляционизма хорошо известна, хотя остается весьма поверхностной и сводится, главным образом, к тезису, что нельзя какие-то группы человечества искусственно удерживать в состоянии "отсталости" и "неразвитости", изолируя их от достижений технического прогресса. Пользование достижениями прогресса, однако, неизбежно ведет к интеграции таких сообществ и их слиянию с основным обществом, поскольку создает новые потребности, зависимости, умения, привычки, диспозиции, короче говоря, умы и тела новых субъектов, что не может ни менять мировоззрения в целом, включая отношение к среде и ее ресурсам. Резкие изменения в бюджете времени и профиле потребностей – неизбежные спутники такого "прогресса". Помимо этого, политика поддержки и наличие льгот включают такие сообщества в общество в целом на условиях дифференциальной сегментированной инкорпорации, когда сегменты общества (в данном случае – группы коренного населения) в качестве особых категорий включаются в него на неравной основе. При этом игнорируется как внутренняя дифференциация таких сообществ, так и наличие категорий населения с аналогичным образом жизни и профилем интересов и потребностей в составе других сегментов общества. Все это не может не нарушать принципа социальной справедливости.

Современное российское законодательство и закрепленный им статус "коренных народов" эклектично соединяет два плохо совместимых подхода – либеральную риторику деколонизации, заимствованную из идеологии международного права, с одной стороны, и марксистскую в своей основе патерналистскую идеологию поддержки "отсталых северных меньшинств", малочисленность которых не позволила создать функционально полноценных территориальных автономий, что потребовало от государства дополнительных усилий по политической, социальной и экономической интеграции этих групп – с другой. В результате в новом законодательстве столкнулись две противоположные интенции – сформированная к концу 1980-х гг. антиинтеграционная политика МОТ, поддержанная другими подразделениями ООН и Всемирным банком, с одной стороны, и интеграционистская институциональная и идеологическая инерция прежнего советского подхода, в соответствии с которым политика поддержки и защиты прав этих народов должна способствовать их скорой и по возможности безболезненной интеграции в современные экономическую и политическую системы, помочь им освоить новые технологии, получить хорошее образование и т. п.

Интеграционистская политика в отношении коренных малочисленных народов в СССР проводилась с первых лет советской власти, а антиинтеграционистская идеология хотя и продолжает завоевывать умы политиков, законодателей, ученых и лидеров организаций коренных народов, но остается освоенной довольно поверхностно, результатом чего и стала эклектика в подходах и обусловленная ею непоследовательность в реализации законодательных норм[10].

---

[10] Примером интеграционистских установок, господствовавших в СССР накануне подписания Конвенции № 169 (напомню читателям, что она так и не была ратифицирована Россией, может служить Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 года (Концепция 1989), подготовленная учеными Сибирского отделения АН при участии ряда академических институтов, включая сектор Севера тогдашнего Института этнографии АН СССР). В частности, в качестве одного из теоретико-методологических оснований Концепции в ней отмечалось, что "Социалистические преобразования у народностей Севера осуществлялись в рамках общесоциологической закономерности, в соответствии с которой в условиях существования обществ, принадлежащих к различным формационным типам, исторически менее развитые народы получают возможность усвоить достижения более развитых народов в области материальной и духовной культуры и продвинуться вперед, минуя те стадии, которые человечество в целом уже прошло. При этом переход на более высокую ступень развития оказывается для них возможным лишь в результате взаимодействия с более развитыми народами, так как общественное развитие того или иного народа не ограничивается внутренними условиями, а определяется совокупностью общеисторических предпосылок. ... Отсутствие развитого взаимодействия с другими народами, т. е. относительно изолированное существование (или так называемый "закрытый" путь развития), лишает общность возможности

Опубликованные результаты Всероссийской переписи 2002 г. содержат информацию о степени интеграции представителей коренных сообществ в современные экономику и культуру российского общества в целом. Помимо уровней урбанизации, которые легко рассчитываются по доли горожан в составе каждой из коренных национальностей перечня, косвенными показателями интеграции являются доля лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, доля представителей "городских" профессий (учителей, врачей, управленцев и т. п.) среди сельского населения соответствующей национальности, наконец, доля лиц этих национальностей, проживающих в Центральном, Поволжском и Южном федеральных округах, то есть в экономически развитых регионах, существенно удаленных от территорий традиционного расселения соответствующих народов. Не имея возможности привести здесь полный анализ соответствующих показателей[11] для оценки степени интеграции каждого из коренных сообществ, включенных в 13-й том публикации результатов переписи "Коренные малочисленные народы Российской Федерации" (Итоги 2005)[12], я ограничусь лишь наиболее общими сведениями и рассчитанным на их основе обобщающим ранговым показателем, позволяющим классифицировать группы по уровню их модернизации или аккультурации.

Из почти 125 тыс. чел. коренного населения трудоспособных возрастов в регионах традиционного проживания приблизительно 16,3 тыс. чел. заняты в сферах здравоохранения и медицины; более пяти тысяч человек – в финансовой деятельности, операциях с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг, государственном управлении и обеспечении военной безопасности, социальном обеспечении и т. п. и еще около трех тысяч человек – в строительстве и на предприятиях транспорта и связи. Иными словами, в тех отраслях экономики и профессиях, которые были названы выше "городскими", занято около пятой части взрослого трудоспособного населения этой категории. В то же

органично включать уже выработанный человечеством социальный опыт в содержание собственного развития и определяет задержку в их общественном прогрессе. Развитие национальных общностей без их взаимодействия с другими общностями невозможно. В строгом смысле слова "закрытый" вариант характеризует не развитие как таковое, а стагнацию, или в лучшем случае медленную эволюцию" (Концепция 1989: 26-27).

[11] Более подробный анализ всех упомянутых показателей представлен в: *Соколовский* 2007; *Sokolovskiy* 2007.

[12] Из-за отсутствия сведений о занятости у камчадалов, кереков, сойотов, тазов, теленгитов и чулымцев в материалах переписи населения 2002 г. соответствующие группы были исключены из приводимого ниже анализа (доли городского населения у камчадалов, сойотов, тазов, равны соответственно 54,8%, 8,5, 35,2%; у теленгитов и чулымцев – 3,8 и 6,8%).

время в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве и на обрабатывающих производствах, то есть в тех отраслях, которые непосредственно либо условно можно связать с традиционными видами деятельности коренного населения, заняты лишь 17,4 тыс. чел., то есть лишь каждый седьмой. Остальное население на период проведения переписи оказалось в числе либо экономически неактивного, либо в числе безработного[13]. Высокие доли экономически неактивного населения отчасти объясняются тем, что в его число попали все лица старше 15 и моложе 64 лет, то есть весьма значительный контингент учащихся, а также пенсионеров, если учесть то обстоятельство, что в соответствии с пенсионным законодательством северяне пользуются пенсионными льготами[14]. У пятнадцати народов из категории "коренных малочисленных народов Севера" на территориях их традиционного расселения доля лиц с высшим (включая послевузовское и неполное высшее) и средним (профессиональным и полным) образованием в возрастных когортах старше 15 лет превышает 50%, а у двух народов (сойотов и юкагиров) эта доля приближается к 70%. У семи народов перечня доля городского населения превышает 40% (у шорцев – более 70%).

Если ранжировать уровни урбанизации, образования и доли городских профессий, присвоив каждому из полученных рядов порядковое место (ранги от 1 до 33 в соответствии с числом народов, по которым в публикации результатов переписи есть сведения о занятости), то, сум-

---

[13] В соответствии с методологическими пояснениями к тому 13 Итогов Всероссийской переписи населения 2002 года "Не считаются занятыми в экономике те, кто со 2 по 8 октября 2002 года только учился в военной академии, аспирантуре, докторантуре дневной формы обучения; производил продукцию в личном подсобном хозяйстве для собственного потребления; оказывал услуги в собственном домашнем хозяйстве по уборке дома, приготовлению пищи и тому подобные услуги; оказывал услуги бесплатно для различных лиц или благотворительных организаций, родительских комитетов, комитетов ветеранов, больниц или домов престарелых и т. п.; владел акциями какого-либо предприятия или общества без непосредственного участия в экономической деятельности этой организации; занимался попрошайничеством (даже если оно приносит доход) или сбором бутылок и т. п." Помимо этого, "учащиеся, студенты, пенсионеры в трудоспособном возрасте учитываются в качестве безработных, если они на обследуемой неделе занимались поиском работы и были готовы приступить к ней" (Итоги 2005:563).

[14] Право на пенсию на льготных основаниях в соответствии со статьей 26 Закона РФ от 19.02.93 предоставлено оленеводам, рыбакам, охотникам-промысловикам, проживающим постоянно в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях: мужчинам – по достижении 50 лет и при стаже указанной работы не менее 25 лет, женщинам – по достижении 45 лет и при стаже указанной работы не менее 20 лет. Право на социальную пенсию в соответствии со статьей 27 этого же закона имеют представители малочисленных народов Севера, проживающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

мировав эти ранги, мы получаем простой и интуитивно понятный показатель уровня интеграции каждой конкретной категории в городской образ жизни, или, если угодно, уровень модернизации каждой конкретной группы. Для наглядности суммы рангов были инвертированы (суммированы как отрицательные числа), так что группа, набравшая максимальное число баллов (то есть занявшая максимум последних мест по уровням урбанизации, образования и занятости в "городских" профессиях) оказывается ближе к центру диаграммы, а "чемпионы" модернизации, занявшие по всем показателям одни из первых мест, – на ее периферии. Результаты этой процедуры отражены на Рис. 2 (Приложение). Лидером по уровню модернизации оказались ительмены (на 10 месте с долей горожан около 35%; на третьем месте по доле лиц с высшим и полным средним образованием – около 60% и с более чем третью сельского населения, вовлеченного в "городские" профессии, в то время как в сферах "традиционной занятости" на момент переписи в регионах традиционного проживания работали лишь чуть более 5% ительменов; общая сумма рангов по трем показателям, таким образом, оказалось равной 20 при минимуме 3 балла и максимуме 99 баллов).

Таким образом, материалы не только последней, но и ряда предшествующих переписей дают основания утверждать, что успехи советской интеграционистской политики были столь значительными, что в стране практически не осталось коренных народов в том смысле, который вкладывается в это понятие международным правом (в частности, Конвенцией МОТ № 169), но существуют группы семей, семьи и отдельные люди, продолжающие заниматься тем, что у нас именуется "традиционными промыслами", чей образ жизни этими формами хозяйства в основном определяется и чье выживание в значительной степени зависит именно от них. Не стоит забывать, впрочем, что, быть может, не меньшее количество семей, чье благополучие зависит от экономики присваивающего типа, есть и в, если так можно выразиться, "составе" других народов, в том числе и русских (и определенно в составе большинства крупных автохтонных сообществ Сибири и Севера – среди алтайцев, бурятов, коми, тувинцев, хакасов, якутов). Культурное своеобразие и земельные права таких сообществ, если вести речь о специальном и адресном законодательстве, остаются по большей части незащищенными, хотя их представители подчас проживают бок о бок с "малочисленными коренными", в одних и тех же деревнях, зависят от тех же ресурсов и ведут такой же образ жизни, как и их соседи (как, например, хакасы и шорцы или кумандинцы, теленгиты, челканцы и алтайцы, удмурты и бесермяне, карелы и вепсы, водь и ижора, русские крестьяне и нагайбаки или телеуты и т. д.). Если говорить о правах на ресурсы, основанных исключительно на образе жизни (до-

минировании присваивающего и промыслового хозяйства) не в терминах конкретных людей или семейных общин, а в терминах народов, то при учете современной статистики занятости вся группа коренных малочисленных народов распадается на серию категорий, в разной степени урбанизированных и модернизированных, однако говорить о них, как это до сих пор принято в терминах "охотников-собирателей" или "специализированных рыболовов" (а ряде случаев – даже "оленеводов") – значит использовать устаревшие ярлыки, не соответствующие нынешнему положению дел. Говорить о "народах-банкирах", "народах-строителях", "народах-врачах", "народах-учителях" и "народах-ученых" пока еще не принято и вряд ли оправданы при нынешней дифференциации труда, однако то обстоятельство, что доля некоторых из перечисленных специализаций давно и устойчиво превышает долю занятых в "традиционных промыслах" примерно у каждого второго из тех же самых коренных народов свидетельствует о том, что с ярлыками пора расстаться (более подробная картина занятости представлена в Таблице 4 и на Рис. 3 Приложения).

Разделение граждан страны на аборигенов и пришлых, мигрантов и коренных, оккупантов-насильников и автохтонов-насельников нелепо и должно осуждаться и государством, и гражданским обществом в целом. Предпринятое рассмотрение антимигрантского и правозащитного дискурсов, направленных в обоих случаях против "пришлого населения", обнаруживает значительный их параллелизм и опору на сходные или близкие стереотипы, коренящиеся в идеологии территориализации этничности. Автору очевидно, что анализ проблем миграции, как и миграционная политика должны избавляться от этноцентристского подхода, сводящего все социальные противоречия к идеям радикальных различий и "этнической несовместимости", при этом, однако, следует помнить, что устранение исторических несправедливостей не так уж редко порождает новую социальную несправедливость, усугубляя уже существующие конфликты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. *Концептуализация сферы национальной политики в текстах конституций республик в составе РФ (по состоянию на 2008 г.)**

Терминология конституции	народ						национальность		национальная/ое			этническая		нация			
Наименование республики	[население]	многонациональный	[этническое сообщество]	п-ский	(коренной) малочисленный	коренной	–	п-ская	меньшинство	группа	общность	(малочисленная) общность	группа	–	п-ская	народность	коренное население / этнос
РФ	4	2	4		1		1		2			1					
Адыгея	7	2	1	1			2		1			2					1
Алтай	9	5	10	2		2	1					2	1				
Башкирия	7	5	4	3			1								1		
Бурятия	5	4	6		1		2		2	1		1		1	1		
Дагестан	2	3	15	3		1	4		1								
Ингушетия	4	3	3				1										
Кабардино-Балкария	6	4	9				2	6	1	1							
Калмыкия	8	1	4	4													
Карачаево-Черкесия	2	6	8				2		1			1					
Карелия	2		1				2										
Коми	5	2	2	3			1		2			1					
Марий Эл	6		2				1										
Мордовия	5	2	2	1			1	1	1			1					
Саха (Якутия)	14	4	3		13	3	1										
Северная Осетия	7	3	2	1			1										
Татарстан	5	2	4	2													
Тыва	8	3	2				5		3			1		1			
Удмуртия	11	2	1	1			1		2			1		1	1	1	
Хакасия	4	2	2	1			1		2		2	1					1
Чечня**	3[8]	3	3[1]	2			1[2]		1			1		[3]		[2]	
Чувашия	6		4	2			1	1									

* *В Таблице приведены наиболее часто встречающиеся понятия и термины: п-ский (п-ская) означает в сочетании с "титульным народом" соответствующей республики т. н. "основной народ" (национальность, нацию) данной республики; например, 'алтайский народ', 'мордовская национальность', 'бурятская нация'. Слова в квадратных скобках раскрывают значение основного понятия (например, слово [население] в столбце народ означает, что понятие народ в тексте данной конституции используется в значении 'население' столько-то раз, а в значении 'этническая общность' или в сочетании с другими терминами (коренной, малочисленный, многонациональный и т. д.) – иное число раз.*

** *Конституция Чеченской Республики была пересмотрена на референдуме 2.12.2007 г. (частотность терминов прежней редакции отражена в квадратных скобках).*

Рисунок. 1. *Проблема правосубъектности группы*

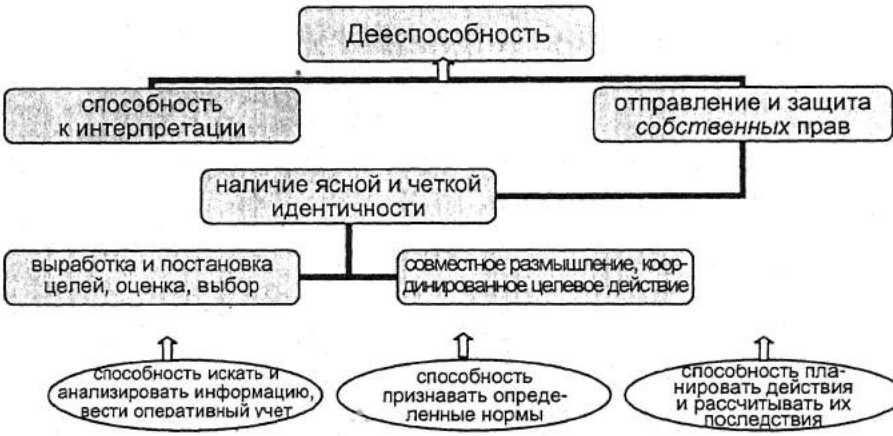


Таблица 2. *Перечень основных документов международного права в области защиты прав меньшинств и коренных народов*

Универсальные международные документы		Региональные международные документы	
юридически обязывающие	**рекомендательные**	**юридически обязывающие**	**рекомендательные**
Устав ООН (1945)	Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960)	Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1953)	Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года представителей государств-участников СБСЕ (1983)
Всеобщая декларация прав человека (1948)	Декларация о принципах международного культурного сотрудничества, ЮНЕСКО (1966)	Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975)	Азиатско-Тихоокеанская Декларация человеческих прав индивидов и народов (1988)
Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948)	Декларация ООН социального прогресса и развития (1969)	Парижская Хартия для новой Европы (1990)	Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников СБСЕ (1989)
Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительные протоколы 1977 г.	Декларация ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и	Европейская Хартия по региональным языкам и языкам меньшинств (1994)	Группа принципов по национальным меньшинствам, предложенных Европейскому совету

Универсальные международные документы		Региональные международные документы	
юридически обязывающие	**рекомендательные**	**юридически обязывающие**	**рекомендательные**
	сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН (1970)		Европейской комиссией по содействию демократии через закон (1990)
Конвенция МОТ № 104 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах (1957)	Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках (1978)	Европейская рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (1995)	Документ Копенгагенской конференции по человеческому измерению СБСЕ (1990)
Конвенция МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий (1959)	Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981)	Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (1994)	Венская декларация и программа действий (1993)
Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960)	Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992)		Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование (1996)
Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965)	Декларация ООН о правах коренных народов (2007)		Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств (1998)
Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966)			Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (1999)
Международный пакт о гражданских и политических правах (1966)			
Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966)			

Универсальные международные документы		Региональные международные документы	
юридически обязывающие	рекомендательные	юридически обязывающие	рекомендательные
Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973)			
Конвенция о правах ребенка (1989)			
Конвенция МОТ № 169 о коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах (1989)			

Таблица 3. *Сопоставление норм международного и российского права в сфере защиты прав меньшинств**

Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ (и статья) документа внутреннего законодательства	Примечания
Свобода выбора принадлежности к меньшинству	12 (3.1)	1 (26.1); 2 (2.1, 4.3)	Не регламентирована ответственность за нарушение права
Осуществление прав и свобод индивидуально или совместно с другими лицами	7 (27); 10 (30); 12 (3.2)	2 (1)	Запрещение создания партий на национальной основе – 8 (9.3)
Право на существование и самобытность	12 (5.1-2)	4 (20.1); 2 (4.1-6)	Нет прямых норм защиты от ассимиляции
Защита от депортации, экспроприации	12 (16)	1 (27.1); 6 (2-12)	
Свободное использование своего языка, устно и письменно, в частной жизни и публично	12 (10.1)	1 (2.2-4, 4, 26.2, 58.3); 2; 3; 4; 5	
Официальное пользование ФИО на своем языке	12 (11.1)	3 (16.4)	В законодательно неопределенной формулировке "с учетом национальных традиций именования"
Право наименования на родном языке своих организаций и предприятий	-	3 (16.2)	Пункт 2 Ословских рекомендаций
Право публичного размещения	12 (11.2)	3 (16.2)	(только на гос.

Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ (и статья) документа внутреннего законодательства	Примечания
вывесок и объявлений на своем языке			языках республик)
Право получения топографической информации на своем языке	12 (11.3)	3 (23.2)	
Право использования своего языка в официальной сфере	12 (10.2)	3 (3.4, 11.2, 14.1, 15.2, 15.4, 16.3, 21, 22.1)	
Право использования своего языка в сфере частного предпринимательства	-	3 (22.1-2)	Пункт 12 Ословских рекомендаций
Право распространения, доступа и обмена информацией на своем языке	12 (9.1, 9.3-4)	2 (9.2); 3 (20.1-3)	
Право на использование своего языка во время следствия, в суде и в местах лишения свободы	12 (10.3)	3 (18.3); 10 (13); 11 (12.5, 18)	Пункты 17-21 Ословских рекомендаций
Право изучать свой язык и получать образование на родном языке	5 (5.1c); 12 (14.1-2)	1 (26.2, 68.3); 2 (10, 12); 3 (9.2, 9.4-5, 10.1, 10.4); 5(6);	
Право на распространение знаний о своих языке, культуре и истории	12 (12)	2 (13.7, 15.2-4)	
Право создавать собственные образовательные учреждения	12 (13); 5 (5.1c);	2 (11, 12.6)	
Право сохранять и развивать культурную самобытность	12 (5.1)	2 (4.1, 13.1); 4 (20.1)	
Право пользоваться достояниями своей культуры	-	2 (4.1); 4 (12.1); 9 (8)	Декларация ООН о меньшинствах, ст. 2.1
Право активно участвовать в культурной жизни	12 (15)	2 (4, 13.1); 4 (21.3)	
Право создавать и поддерживать свои культурные учреждения	-	2 (4, 13.1); 4 (15)	Копенгагенское совещание СБСЕ, пункт 32.2
Право участия в управлении делами государства, принятии решений	12 (15)	1 (32.1); 2 (4.1, 11, 13, 14.1, 20.2); 4 (21.3)	
Право создавать свои ассоциации	12 (7)	1 (30); 2 (1); 4 (16, 21); 7 (3)	Запрещение создания партий на национальной основе – 8-(9.3)

Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ (и статья) документа внутреннего законодательства	Примечания
Право на свободу мысли, выражения мнения, мирных собраний	12 (7, 9.1)	1 (29.1-3)	
Право участия в работе директивных и консультативных органов	-	1 (32.2); 2 (7)	Лундские рекомендации, пункты 7, 9, 12-13
Право участия в деятельности НПО	12 (17.2)	2 (4, 11, 13)	
Право на контакты с членами группы, проживающими в других государствах	12 (17.1)	2 (4, 9)	
Право на эффективное участие в экономической жизни	12 (15)	1 (37.1-3)	Нет специальных норм в законодательстве

* *Таблица составлена на основе следующих экспертных обзоров: Пучкова 2004а, 2004б, 2004в; Осипов, Сапожников 2004.*

Перечень документов международного права, отраженных в таблице (номера соответствуют приведенным в таблице)

1. Устав ООН (1945);
2. Всеобщая декларация прав человека (1948);
3. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948);
4. Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительные протоколы 1977 г.;
5. Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960);
6. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965);
7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966);
8. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966);
9. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966);
10. Конвенция о правах ребенка (1989);
11. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1953);
12. Европейская рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (1995).

Перечень документов внутреннего законодательства, отраженных в таблице

1. Конституция РФ (1993);
2. ФЗ "О национально-культурной автономии" (1996, ред. от 21.03.2002);
3. ФЗ "О языках народов РФ" (1991, ред. от 11.12.2002);
4. Основы законодательства РФ о культуре (1992, ред. от 23.06.1999);
5. ФЗ "Об образовании" (1992, ред. от 08.12.2003);
6. ФЗ "О реабилитации репрессированных народов" (1991, ред. от 01.07.1993);
7. ФЗ "Об общественных объединениях" (1995);
8. ФЗ "О политических партиях" (2001, ред. от 25.07.2002);
9. ФЗ "О библиотечном деле" (1994);
10. ФЗ "О судоустройстве" (1981, ред. от 25.07.2002)
    Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Рисунок. 2. *Балловые показатели интеграции коренных народов (урбанизация, доля "городских" профессий и уровень образования) в группе КМНС (рассчитано автором по данным Всероссийской переписи 2002 г.)*

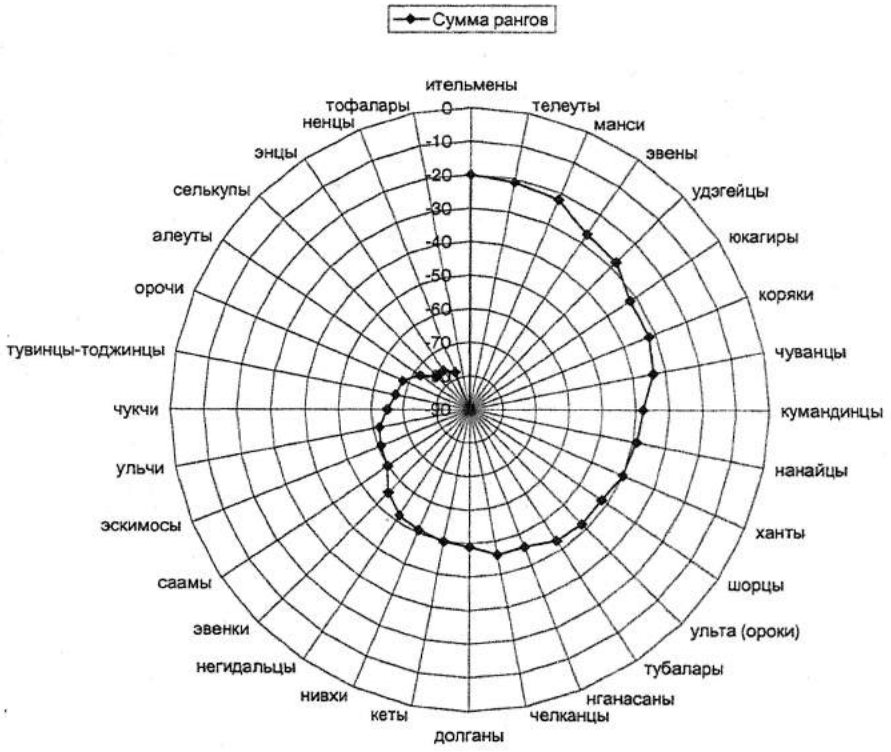


Рисунок. 3. *Уровни интеграции коренных народов (урбанизация, доля "городских" профессий и уровень образования) в группе КМНС по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., расчеты автора*

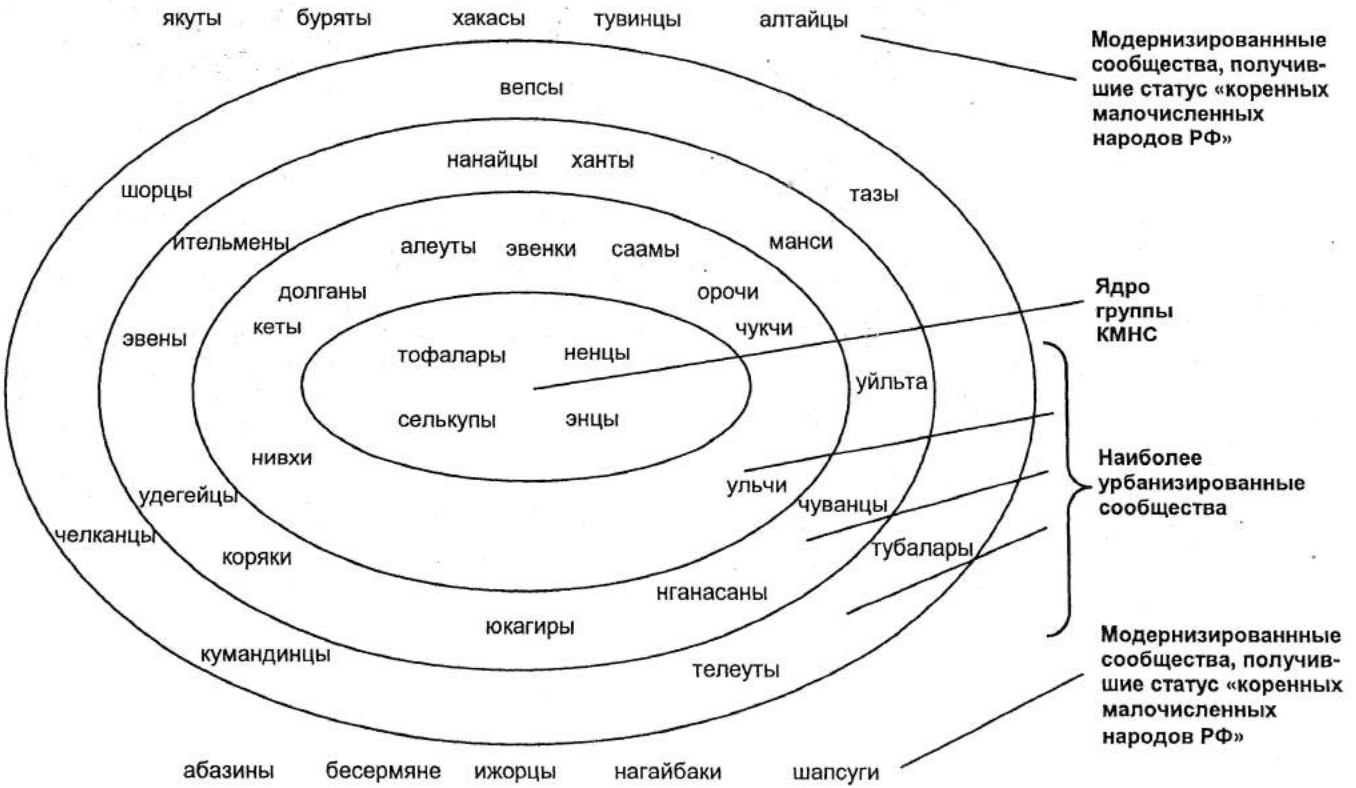


Таблица 4. *Показатели интегрированности в городской образ жизни и современную профессиональную культуру населения трудоспособных возрастов (15-64 года) на территориях преимущественного проживания (Всероссийская перепись населения 2002 г.)*

	общая численность	городское население	доля городского населения, %	трудоспособное население	трудоспособное население ,%	традиционные отрасли	традиционные отрасли, %	медицина, образование, %	гос. управление, финансы, %	транспорт, связь, строительство, %
Алеуты	446	96	21.5	291	65.2	16	05.5	09.6	7.2	6.2
Долганы	7077	1194	16.9	3998	56.5	1176	29.4	19.5	2.3	2.9
Ительмены	2939	1012	34.4	1859	63.3	94	05.1	10.7	4.2	2.0
Кеты	1189	199	16.7	715	60.1	27	03.8	08.1	4.1	1.1
Коряки	8271	2368	28.6	5070	61.3	498	09.8	17.3	5.0	2.3
Кумандинцы	2888	1522	52.7	1867	64.6	84	04.5	04.0	0.5	0.6
Манси	10820	5487	50.7	6273	58.0	384	06.1	11.6	3.5	3.5
Нанайцы	11569	3278	28.3	7411	64.1	553	07.5	11.1	2.5	2.2
Нганасаны	811	147	18.1	458	56.5	85	18.6	16.6	2.4	1.5
Негидальцы	505	115	22.8	308	61.0	35	11.4	13.0	3.2	0.3
Ненцы	39813	6781	17.0	21188	53.2	5449	25.7	11.9	3.0	1.7
Нивхи	4902	2291	46.7	3082	62.9	301	09.8	09.4	2.8	2.3
Орочи	426	150	35.2	268	62.9	63	23.5	07.5	2.6	3.0
Саамы	1769	680	38.4	1090	61.6	151	13.9	07.3	6.0	2.4
Селькупы	4056	645	15.9	2512	61.9	306	12.2	10.6	5.2	3.6
Телеуты	2534	1044	41.2	1597	63.0	77	04.8	05.6	2.6	7.3
Тофалары	723	42	05.8	457	63.2	17	03.7	09.2	2.8	0.7
Тубалары	1533	120	07.8	894	58.3	99	11.1	07.2	1.9	1.7
Тувинцы-тоджинцы	4435	3	00.0	2495	56.3	102	04.1	15.5	2.1	0.7
Удэгейцы	1531	337	22.0	968	63.2	119	12.3	11.5	3.4	1.7
Ульта (ороки)	298	169	56.7	196	65.8	24	12.2	08.7	9.7	1.5
Ульчи	2718	413	15.2	1666	61.3	142	08.5	11.7	4.7	1.9
Ханты	27655	9190	33.2	16128	58.3	1793	11.1	13.8	4.3	3.2
Челканцы	830	113	13.6	502	60.5	31	06.2	12.7	4.2	2.2
Чуванцы	990	295	29.8	581	58.7	74	12.7	20.0	7.9	4.5

Литература

Аппадураи 2000 – *Аппадураи А.* Ставя иерархию на место //Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 8-13.

ДПНИ 2007 – ДПНИ (http://www.dpni.org/articles/lenta_novo/5077/; дата посещения – 26.09.2007).

Итоги 2005 – Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, Т. 13. М., 2005.

Концепция 1989 – Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 года (отв. ред. В. И. Бойко). Новосибирск, 1989.

Мнение 2003 – Мнение о Российской Федерации //Российский бюллетень по правам человека. – М., 2003. – № 17. – С. 28-41.

Пучкова 2004а – *Пучкова М.* Соответствие Конституции и текущего законодательства РФ международным обязательствам РФ в области предотвращения и ликвидации расовой и этнической дискриминации //Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 27-105.

Пучкова 2004б – *Пучкова М.* Соответствие Конституции и текущего законодательства РФ международным обязательствам РФ в области защиты национальных меньшинств //Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 105-149.

Пучкова 2004в – *Пучкова М.* Общие выводы и рекомендации. О совершенствовании законодательства РФ в сферах предотвращения и ликвидации расовой, этнической дискриминации и защиты национальных меньшинств //Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М., 2004. С. 149-161.

Осипов, Сапожников 2004 – *Осипов А., Сапожников Р.* Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) //Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. – М., 2004. – С. 162-208.

Соколовский 2007 – *Соколовский С. В.* Правовой статус и идентичность коренных народов по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года //Расы и народы. Вып. 33. М.: Наука, 2007. – С. 11-57.

Хардт, Негри 2004 – *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.

Шнирельман 2000 – *Шнирельман В. А.* Предки и идентичность: националистические мифологии в современной России //Этнографическое обозрение. 2000. – № 4. – С. 3-14.

Cobarrubias 1983 – *Cobarrubias J.* Ethical Issues in Status Planning //*Cobarrubias J., Fishman J. A. (eds.)* Progress in Language Planning: International Perspectives. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1983. – p. 71.

Comment 1994 – General Comment adopted by the Human Rights Committee under Article 40, Paragraph 4, of the International Covenant on civil and political rights, General Comment No. 23 (50) (art. 27) adopted by the Committee at its 1314th meeting (50th session) on 6 April 1994.

Nowak 1989 – *Nowak M.* UNO-Pakt über bürgerliche und politische Rechte und Fakultativprotokoll. CCPR-Kommentar, Artikel 27. – Kehl; Straßburg; Arlington: N. P. Engel Verlag, 1989.

Parker 1999 – *Parker J.* Problems in Defining Minorities //*Bowring B., Fottrell D. (eds.)* Minority and Group Rights Towards the New Millenium. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – pp. 223-273.

Petersen 1965 – *Petersen W.* The Politics of Population. – N. Y.: Anchor, 1965. – p. 235.

Schermerhorn 1970 – *Schermerhorn R. A.* Comparative Ethnic Relations. – N. Y.: Random, 1970.

Skuttnabb-Kangas, Bucak 1995 – *Skuttnabb-Kangas T., Bucak S.* How the Kurds are Deprived of Linguistic Human Rights //*Skuttnabb-Kangas T., Phillipson R. (eds.)* Linguistic Human Rights. Overcoming Linguistic Discrimination. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. – p. 360-361.

Sokolovskiy 2007 – *Sokolovskiy S.* Indigeneity Construction in the Russian Census 2002 //Sibirica. Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. Vol. 6, No. 1. 2007. P. 59-94.

События в селе Карагай

А. В. Черных

В конце июля – начале августа 2008 г. пермские и федеральные СМИ информировали общественность о столкновениях в Пермском крае: "В городе Карагае за последние две недели произошли две массовые драки между русскими, с одной стороны, и чеченцами и азербайджанцами — с другой. Как передает агентство "Новый регион", в результате убиты двое и ранены 11 русских участников столкновений. В правоохранительных органах причины драк списывают на алкоголь и утверждают, что "инциденты произошли не на национальной почве"[1].

"Неизвестные избили нового главу карагайской милиции <...>. Поводом для драки стала гибель одного из азербайджанцев в результате падения подъемного крана на здание, в котором он находился. Русского, который управлял краном в нетрезвом состоянии, потом жестоко избили. Это вызвало волну негодования у местных жителей и рабочих"[2]. Часть источников сообщает о двух драках, произошедших в ночь с 18 на 19 июля и в ночь на 6 августа. А вот какие описания появились на частных сайтах: "Лица кавказской национальности группировками по 20-30 чел. начали тотальное уничтожение коренного населения города! Продолжалось все три дня. Беспредел по всему городу! Люди боялись выходить на улицы... больницы были переполнены уже в первый день..."[3]. Подобная информация была опубликована и в печатных СМИ. Сообщалось о разном количестве убитых, об избиении начальника ОВД Карагайского района.

Что же реально произошло в Карагае? Были предприняты попытки расследования сложившейся ситуации, в том числе и независимыми общественными организациями.

На поверку значительная часть представленной ранее противоречивой информации оказалась вымышленной. Зачастую журналисты ссылались на непроверенные и не имевшие в реальности факты. В частности, в ночь с 18 на 19 июля драка действительно произошла. Но 6 августа никаких проблемных ситуаций не возникало, и никаких конфликтов не было. Но самое главное это то, что в карагайском инциденте не было убитых.

---

[1] http://grani.ru/Events/Crime/m.139706.html.

[2] http://www.newsru.com/russia/07aug2008/draka.html.

[3] http://www.liveinternet.ru/users/bart-demon/post809694448.

Имела место гибель азербайджанского рабочего на лесопилке в результате трагического случая – падения крана. Еще один азербайджанец утонул, купаясь 19 июля. Однако обе эти смерти обусловлены несчастными трагическими случаями и никакой связи с событиями с 18 на 19 июля не имеют, что подтверждено соответствующими надзорными органами и отражено в документах. Избиение начальника местного ОВД – выдумка репортеров, о чем говорилось при анализе ситуации на заседании Земского собрания района 29 августа. Надуманность этих фактов подчеркнута и в информации Пермского правозащитного центра: "...убитых не было. Имела место лишь гибель молодого азербайджанского рабочего на лесопилке из-за падения крана. Еще один азербайджанец утонул. Избиения начальника ОВД Карагайского района, вступившего в должность в июне сего года, места не имели"[4].

Что касается непосредственно самого инцидента, то Пермский правозащитный центр описывает его более подробно и детально, ссылаясь на итоги собственного расследования: "в драке участвовало около 50 чел., в том числе около 10 русских и (на финальной стадии) около 35-40 чеченцев и ингушей..."[5]. Однако и в данном случае сделана ссылка на непроверенные факты, в частности, с оговоркой "предположительно" говорится о наличии у участников газовых пистолетов.

По нашим данным, в ночь с 18 на 19 июля 2008 г. в с. Карагай (село, а не город!) в кафе "Березки" началась пьяная ссора между двумя русскими молодыми людьми (один из них – житель г. Перми, другой – с. Карагай). Ссора, возникшая из-за девушки, переросла в драку. "На подмогу" карагайскому зачинщику прибыли местные жители: русские и чеченцы, затем к драке присоединились азербайджанцы. О количестве участников драки объективных данных нет. В результате пострадало шесть человек: пятеро русских, один чеченец. Они получили легкие телесные повреждения, что подтверждается отсутствием обращений в местную больницу по поводу тяжелых травм. В связи с происшедшим ОВД по Карагайскому району возбуждено уголовное дело по ст. 116 "Телесные повреждения" и 213 "Хулиганство" УКРФ, осуществляются проверка и следственные мероприятия по данным фактам. Такова протокольная канва произошедшего.

Непосредственная причина начала конфликта, по нашему мнению, не связана напрямую с этническими мотивами. В основе конфликта – заурядная бытовая ситуация, которая в результате участия в ней русских, чеченцев, азербайджанцев привела к социальной, а не этнической напряженности.

Однако произошедший конфликт вскрыл некоторые проблемы. Карагайский район – один из самых мононациональных районов Перм-

[4] http://www.prpc.ru/news_our/080819.shtml.
[5] http://www.prpc.ru/news_our/080819.shtml.

ского края, поскольку из 25 тыс. жителей 93% составляют русские. В 1990-е гг. в районе появились переселенцы из Закавказья (армяне и азербайджанцы) и Северного Кавказа (чеченцы). По переписи 2002 г. азербайджанцев зафиксировано 93 чел., чеченцев – 63, но нынешние цифры значительно выше. По сведениям администрации района, местные чеченцы и ингуши составляют около 150 чел., азербайджанцы – свыше 300 чел. В основном они проживают в районном центре Карагай и железнодорожной станции Менделеево.

Заметное по местным меркам увеличение представителей новых для здешних мест народов обостряет внимание жителей. Тем более это внимание повышается, если люди замечают со стороны иноязычных приезжих некорректное поведение и нарушение принятых норм. Об этом в ходе опросов говорили местные жители. Например, как следует из материалов Пермского регионального правозащитного центра (ПРПЦ), медицинские работники районной больницы жаловались на то, что посещающие больницу выходцы с Кавказа "часто не обращают внимания на указанные при входе ограничения, идут в уличной обуви и верхней одежде в хирургическое отделение, а на замечания со стороны молодых медсестер отвечают бранью". Местные жители сетуют и на то, что многие из приезжих "порой ездят без номеров, полностью тонируют стекла своих машин".

Главная же причина, лежащая в основе карагайской напряженности, – экономическая. Карагайский район – один из сельскохозяйственных северных районов Пермского края. Основная часть русского коренного населения района занята в сельскохозяйственном производстве и сфере услуг. Мигранты же, в первую очередь, заняты в сфере лесодобычи и лесопереработки. Значительные лесные богатства края, близость транспортных артерий, в том числе и железнодорожной магистрали делают район привлекательным для развития этой сферы экономики. Большая часть предприятий лесодобывающей отрасли района (лесопилки) находится в руках предпринимателей – чеченцев и азербайджанцев. Организация труда рабочих на лесопилках, в числе которых много местных жителей, вызывает недовольство местного сообщества.

Естественно, в такой ситуации наиболее действенным решением представляется, лишь экономическая политика как региональной, так и муниципальной власти, определенное регулирование сферы занятости местного и приезжего населения, наведение порядка в лесодобывающей отрасли.

Карагайский конфликт отразил также и неготовность органов местного самоуправления к разрешению подобного рода конфликтов, показал и неумение контролировать миграционную ситуацию. Важна в условиях активных миграционных процессов на муниципальном уровне и профессиональная, четко организованная и корректная работа правоохранительных органов, которые на возникшую конфликтную ситуацию в Карагае отреагировали с опозданием.

События показали также поспешность и безответственность СМИ в освещении такого рода событий. Фактически сообщения были провокационными. Достоверность многочисленных публикаций по карагайским событиям, мягко говоря, можно оспорить. "Репортажи" значительно раздули масштабы конфликта, растиражировали ложные сообщения об убитых и раненых, избиении представителей власти. Негативная роль СМИ проявилась и в том, что они интерпретировали возникшую проблему исключительно как этнический конфликт.

В настоящее время никаких тревожных сигналов из Карагая не поступает. События в Карагае не повлияли на этническую обстановку в Пермском крае. В июне 90,7% респондентов отметили отсутствие социальных конфликтов и противоречий на межнациональной почве, в июле эта цифра составила – 92,4%, в августе – 91,5%. Заметим, что пермские социологи проводят мониторинг ситуации непосредственно и в Карагае.

Кроме того, предприняты конкретные меры со стороны властных структур по профилактике этнической напряженности непосредственно на территории муниципалитета. Сегодня к Карагаю приковано пристальное внимание краевых властей и гражданских институтов. Уже проведен комплекс мероприятий – совместное заседание руководителей ГУВД, Управления ФСБ по Пермскому краю, администрации, прокуратуры и ОВД Карагайского района. При организационно-методическом содействии департамента внутренней политики администрации края проведены рабочие совещания, консультации с сотрудниками органов местного самоуправления. Что особенно важно, проведена встреча с представителями редакции местной газеты и представителями национальных сообществ района. Проведены встречи и собрания с целью разъяснительной работы с представителями молодежи разных национальностей. Создана рабочая группа с участием молодежи по подготовке районной масштабной этнокультурной акции — фестиваля, которая запланирована на 4 ноября 2008 г.

При Земском собрании Карагайского района создана и работает депутатская комиссия по недопущению негативных последствий произошедшего конфликта. С целью профилактики этнической напряженности работает общественная приемная с участием специалистов федеральных структур по Пермскому краю, в числе которых и Управление федеральной миграционной службы, а также телефон доверия для населения. Проводятся обучающие семинары для руководителей административных органов, учреждений культуры и образования.

В декабре 2008 г. в Пермском крае впервые прошла этнокультурная акция "Два народа – две судьбы", с участием артистов из Чеченской Республики. Акция состоялась в рамках краевой программы гармонизации национальных отношений, организаторами и участниками

выступили департамент внутренней политики администрации губернатора Пермского края, администрация Карагайского района, представительство президента Чеченской Республики в Пермском крае, пермская региональная общественная организация "Русское национально-культурное общество", общественный центр "Дом дружбы народов Пермского края". Проведены концерты творческих коллективов Пермского края и артистов из Чеченской Республики, творческие встречи в формате свободного общения с артистами, представителями творческой интеллигенции и общественности. В составе делегации Чеченской Республики – заместитель министра по внешним связям, национальной политике, печати и информации В. Светличный, народный артист Чеченской Республики М. Ясаев и др. Концертная программа и творческая встреча пермских и чеченских коллективов состоялась в г. Перми, а затем мероприятия продолжались в селе Карагай. Главная цель акции определялась как развитие диалога культур, межкультурного взаимодействия и творческих контактов народов Пермского края. Творчество Прикамья было представлено широко, так как, по мнению организаторов, именно творчество и народная культура является той органичной средой, которая позволяет сохранять гражданское согласие и формировать толерантность.

Между тем, прокуратура Пермского края представила весной 2009 г. в Генеральную прокуратуру отчет о проверке лесной отрасли в Карагайском районе. "Экономическая" подоплека является одной из причин как карагайского конфликта, так и претензий местного русского населения по отношению к мигрантам. Проверки лесной отрасли в Карагайском районе стали следствием обращений (после произошедшего конфликта) местных жителей и общественных организаций в Государственную Думу РФ, в Генеральную прокуратуру и в федеральное правительство. К настоящему времени проверку прошли 69 расположенных на территории района пилорам из 76. По результатам проверки 29 владельцев привлечены к административной ответственности за работу с лесоматериалом неизвестного происхождения ("оказание услуг и продажа товаров при отсутствии информации об изготовителе и продавце и без применения контрольно-кассовых аппаратов"). В судебном порядке была остановлена деятельность 3-х пилорам. Установлен и факт, что большая часть пилорам в районе действительно принадлежит индивидуальным предпринимателям – уроженцам Чечни, Дагестана, Азербайджана, Армении и Грузии, а также созданным ими юридическим лицам. По итогам проверки возбуждено 84 уголовных дела по фактам незаконной вырубки леса на территории Карагайского района. Краевая прокуратура установила также факты нарушения лес-

ного законодательства со стороны местных органов государственного надзора и контроля в сфере охраны и защиты лесов.

Пристальное внимание к карагайской экономической ситуации, однако, по мнению самих карагайцев, не изменило ситуации, криминальная рубка леса и его вывоз не прекратились, а значительная часть лесопилок просто перешла на режим ночной работы. Анализ ситуации показывает, что криминальность экономических процессов накладывает отпечаток и на характер межэтнических отношений.

После проведения проверки и неоднократного обращения общественности, а также многочисленных публикаций в СМИ, краевая прокуратура признала незаконным прекращение уголовного дела по факту драки в карагайском кафе. Прокурору Карагайского района предписано отменить незаконное постановление о прекращении дела и возобновить следствие. Напомним, что по результатам карагайского столкновения два уголовных дела были возбуждены по фактам нанесения побоев из хулиганских побуждений, одно – по признакам хулиганства, совершенного группой лиц с применением предметов, используемых в качестве оружия, но 18 января 2009 г. все дела были прекращены. Ни одному из инициаторов не было предъявлено никаких обвинений.

Внимание к Карагаю в Пермском крае обусловлено постоянными публикациями в пермских СМИ. Активны и пермские правозащитники. 3 марта в пермском Доме журналиста состоялась пресс-конференция жителей села Карагай, посвященная этой теме. На конференции присутствовали непосредственный участник конфликта и свидетель. Комментировал обсуждение юрист пермского правозащитного центра. Пресс-конференция приняла жесткий характер. На ней, в частности, обсуждались проблемы процесса расследования, а также ситуация межэтнической напряженности в селе, критиковались действия властей. Материалы конференции были растиражированы в пермских СМИ. Написали, в частности, о том, что юрист регионального правозащитного центра указал на нарушения в ведении следствия и сделал вывод о халатном отношении следователя к работе. Известно, что после инцидента по селу прокатилась волна драк, потасовок, сопровождающихся угрозами со стороны представителей чечено-ингушской диаспоры. В эти же дни пострадавших в драке встречали на улицах группы чеченской молодежи и высказывали угрозы, оказывая психологическое давление. Заявления в связи с этими угрозами в милицию не подавались. Видеозапись драки, отснятая камерой сотового телефона, в сложившейся взвинченной атмосфере была уничтожена, многие, опасаясь за свою жизнь и здоровье, отказались быть свидетелями. Угрозы со стороны представителей чечено-ингушской диаспоры имели в тот период регулярный характер. Тех, кого запугивали, потом признались, что боятся

ходить вечером в кафе. Газеты писали так: "Глядя на отношение властей к данной проблеме как исключительно бытовой, нет надежды, что что-то в скором времени изменится к лучшему. Игнорировать подобные столкновения на национальной почве опасно...."[6]. Пермские правозащитники настойчиво обращаются к карагайской теме, отслеживая результаты следствия.

По заказу Департамента внутренней политики администрации губернатора Пермского края в с. Карагай был проведен этносоциологический мониторинг ситуации и состояния межэтнических отношений, который показал, что ситуация далека от фестивальной.

Урок Карагая при любом прочтении происшедших событий показывает, что любая бытовая ситуация может стать основой для конфликта, имеющего "этническую" окраску. От этого не застрахована даже самая благополучная и тихая территория.

[6] Михалева О. Карагай – это рядом //Пермский обозреватель, № 8 (408) 9 марта 2009.

Конфликт как теоретическая реальность[1]

О. В. Кульбачевская

Следует признать верным мнение исследователей-конфликтологов о том, что общественный конфликт может быть назван этническим уже в тех случаях, когда хотя бы одна из противоборствующих сторон использует мотивы "этничности"[2]. При анализе общественного конфликта с особым вниманием нужно относиться к тому, как именно идентифицируют друг друга участники противостояния, причем даже не лидеры и активисты, а рядовые участники[3]. Анализ произошедших на постсоветском пространстве конфликтов – региональных и локальных – показывает, что даже вовлечение третьих сторон может придать столкновению черты этнического конфликта. Характерны в этом отношении, например, действия местных администраций или общественных сходов, направленные на выселение лиц определенных национальностей после каких-либо событий, вызвавших общественное неприятие (кража, наркотики, драка и т. п.).

Существуют разные теоретические подходы, объясняющие причины и механизмы насилия, воплощенные в социальных конфликтах[4]. Прежде всего, следует указать на структурные концепции, согласно которым причины социальных конфликтов и насилия видятся в условиях и изменениях социальной среды. В структурно-функциональной модели Т. Парсона конфликт проявляется как напряжение или стресс внутри общественной системы, ее некий побочный продукт. Основной источник конфликта кроется в несовместимости социальных ценностей и неспособности политических институтов к адаптации в условиях социальных изменений. Утрата доверия общественных структур к власти порождает протестное поведение. Такое поведение может существовать в насильственной форме, что само по себе отражает состояние морального разложения общества, ослабление интегрирующих общественную систему

[1] Исследование осуществлено при поддержке РГНФ (грант № 07-01-12128 в).

[2] Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., Наука, 2001; Этнополитический конфликт: Пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. Отв. ред. В. А. Тишков, М. Я. Устинова. М., 2006.

[3] Авксентьев В. А. Этническая конфликтология: проблемы становления. http://www.-vusnet.ru/biblio/archive/avxentev_etnkonfprobstan/.

[4] См. подробнее: Аклаев А. Р. Проблема насилия в межнациональных конфликтах (Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения). М.: 1993. Вып. 3. С. 5-27).

ценностей. При этом В. Ньюман считал, что такие параметры социальной структуры, как стратификация и социальный статус, определяют возникновение, частоту и интенсивность межгрупповых конфликтов. Чем больше в обществе неравенство, чем сильнее социальная стратификация групп и различие статусов, тем более вероятны насильственные акты. С. Спиллерман основными причинами межрасовых конфликтов называл слабую степень социальной интеграции и отчуждение групп от политической системы. Также Д. Снайдер и Ч. Тили видели причины возникновения коллективных форм насилия, прежде всего, в неравенстве социальных возможностей в сфере власти. Эти и подобные точки зрения исходят из общих оценок социальной ситуации, и поэтому их очень трудно применить для конкретных случаев конфликтов, где очевидной движущей силой служат мотивы участников.

Другой подход видения причин конфликтов лежит в основе так называемой поведенческой концепции. Насилие рассматривается как проявление фрустрации, а затем и агрессии индивидов. Такое состояние возникает при определенных условиях и характерном течении конфликта. Агрессия вспыхивает на базе разделяемых чувств и при определенном психологическом состоянии коллективного недовольства. По теории фрустрации-агрессии Д. Долларда, фрустрация – состояние индивида, вызванное наличием внешних препятствий его стремлению достичь значимой для него цели. С этой точки зрения агрессия объясняется как действия, нацеленные на подчинение других субъектов для достижения своих целей. Агрессия порождается фрустрацией. Если (в силу страха наказания или по другой причине) индивид не может сразу направить агрессию на источник фрустрации, то агрессия может быть отложенной или "замещенной", т. е. перенаправленной на более уязвимый и незащищенный объект. Н. Миллер в свое время уточнил: фрустрация вызывает не непосредственную агрессию, а побуждение к ней, после чего возможна как агрессивная, так и неагрессивная реакция. Это наблюдение, кстати, следует учитывать при оценке вероятной мотивации поведения лиц, входящих в экстремистские молодежные группировки. Интернет-агитация и прочие виды пропаганды насилия на расовой и этнической почве искусственно создают психологическую основу личного состояния фрустрации подростка, но это не обязательно приводит к агрессивному поведению. Следует разобраться, какой еще нужен шаг, чтобы оказаться в рядах агрессоров. Л. Берковиц в качестве промежуточной переменной выделяет чувство гнева, вызванное фрустрацией, которое стимулирует агрессию против внешнего объекта. Но, заметим, одного этого чувства достаточно только для спонтанных реакций. Действия же экстремистских группировок, как правило, продуманы и спланированы, и вряд ли следует думать, что активи-

сты таких групп постоянно пребывают в состоянии фрустрации и тем более – гневливости. Экстремизм и ксенофобия как обыденность, как норма – вот проблема, которая еще ждет своего анализа и разрешения.

Следует также добавить, что факт "замещенной" агрессии, приводящий к субъективному представлению об источнике "всех бед", свидетельствует о том, что определяющим фактором жесткого и жестокого поведения участников конфликта является сугубо эгоистическая потребность достижения личных целей, а не выяснение каких-либо истин. Это следует учитывать при определении причин конфликта, особенно в тех случаях, когда для оправдания насилия адепты вспоминают об "исторических" причинах и поводах.

Исследователи стремятся объяснить экстремистские формы поведения абсолютной депривацией, которую рассматривают в качестве источника групповых фрустраций. В частности, говорят об ухудшении уровня материальных условий жизни. Анализ различных конфликтов свидетельствует о том, что крайняя бедность действительно служит отправной точкой взаимных претензий и столкновений. Взять хотя бы происходящие в последние годы кровавые конфликты в ЮАР, где в результате нападений местных жителей гибнут трудовые мигранты из соседних африканских государств. Но, если бы бедность и безработица были всему виной, конфликты не были бы распространены там, где нет крайних проявлений бедности. В данном случае речь идет практически обо всех случаях конфликтов, произошедших после распада СССР. Применительно к этим случаям депривационная модель оказывается несостоятельной. Видимо, не следует ограничиваться одной только материальной составляющей человеческих потребностей, забывая о потребностях духовно-нравственных и идеологических. Следует вспомнить и о том, что инициаторами конфликтов (а также и революций) зачастую являются социальные группы, как раз обладающие материальными ресурсами. Депривация – это опять же слишком обобщенное объяснение мотивов и поступков конфликтующих сторон.

Другой подход стремится подкорректировать идею депривации, применяя понятие "относительная депривация". Согласно ему недовольство и возникающий вследствие этого социальный протест возникают не как результат объективно ухудшающихся условий жизни, а как результат не удовлетворяющего группу сравнения своих материальных условий, статуса, политических прав и свобод с желаемыми условиями, статусом и прочим. С. Стуфер и др. указывали, что идеальные положения и статус мыслятся для инициаторов конфликта как достижимые. Т. Гурр определяет относительную депривацию как восприятие субъектом разрыва между своими ценностями-ожиданиями и своими ценностями-возможностями. Б. Бетельгейм и М. Яновиц отмечают, что в сфере

межнациональных отношений рост восприятия относительной депривации сопровождается ростом негативных установок и враждебности по отношению к контактирующим группам (особенно к группам этнического меньшинства и группам, повышающим свой статус или стремящимся не допустить его изменения).

Существует еще операциональная схема относительной депривации В. Рунчимана. В рамках этой схемы сферы социальной стратификации, выделенные М. Вебером класс, статус, власть, используются для социологического изучения составляющих относительной депривации групп. Изучаются восприятие и оценка членами группы социально-экономических показателей группы (уровень доходов, возможности социально-профессионального роста, условия труда и др.), а также ограничения в социальном уважении, почете, престиже и почестях, которые испытывает группа. Такой подход уже как-то проясняет движущие стимулы возникающих конфликтов. Но, заметим, для возникновения самого чувства депривации потенциальные участники конфликта должны обладать недюжинными аналитическими способностями, чтобы в поисках "врага" иметь возможность многократно сопоставлять себя и окружающих по таким параметрам, как уровень доходов, возможности социально-профессионального роста, условия труда и т. д. и т. п.

Согласно Д. Дэвису, основной причиной насильственного конфликта является быстрое увеличение разрыва между субъективными ожиданиями и объективным их удовлетворением. Социальные группы испытывают интенсивные фрустрации в случаях, когда после периода существенного улучшения социальных и экономических условий жизни и растущих в связи с этим ожиданий группа внезапно сталкивается с кризисом, вызывающим падение уровня жизни. В результате у членов группы возникает психологическое состояние, при котором они оценивают условия жизни как невыносимые и готовы на крайние меры. Согласно Г. Ленски, социальные группы, члены которых обладают значительными ресурсами и возможностями, но находятся на низком уровне статусной иерархии, испытывают неудовлетворенность от несоответствия между ожидаемым и фактическим статусом. Д. Гешвендер писал, что опыт и окружающая действительность формируют среди членов социальной группы определенные знания: идеи, ожидания, представления о себе, своих правах и т. д. Однако реальный опыт группы в определенный момент может вызвать в восприятии ее членов изменение "всей когнитивной картины мира". Особое значение может иметь новое знание о самой группе, например, трактовки исторического прошлого. Напряжение и стресс, вызванные новым знанием, противоречащим предыдущим представлениям, могут оказывать фрустрирующее воздействие. В случае, когда углубляющийся "когнитивный диссонанс"

невозможно разрешить через социально приемлемые пути, возникает социальный конфликт.

Выделяя три типа обществ – традиционные, переходные или модернизирующиеся, современные, С. Хантингтон писал, что для обществ переходного типа в наибольшей степени характерны нестабильность и различные формы конфликтов. Рост урбанизации, грамотности, образования, влияния СМИ в модернизирующихся сообществах способствует формированию представления о новых формах удовлетворения своих потребностей, а также порождает новые потребности. При этом реальные социально-экономические возможности в обществах переходного типа растут гораздо медленнее, чем новые устремления. Возникающий вследствие этого разрыв между потребностями и возможностями порождает социальные фрустрации, которые, в свою очередь, ведут к росту предъявляемых правительству требований и стимулируют политическую мобилизацию и активность. Отсутствие адекватных политических институтов часто делает невозможным выражение требований через легальные и социально приемлемые каналы, а также их эффективное удовлетворение в рамках существующей политической системы. Эта далеко уже не новая мысль, прилагаемая к российской действительности, имеет существенное значение. Вспомним: та система этнического представительства через структуры гражданского общества, которая именуется национально-культурная автономия, уже во многом изжила себя и не соответствует ни ожиданиям этнических сообществ, стремившихся на начальном этапе эффективно взаимодействовать с властью, ни ожиданиям региональных и местных чиновников, которые не смогли через систему НКА эффективно контролировать "межэтнические отношения".

Социально-психологическая теория установки[5] в западной социологии описана Дж. Дэвисом, в отечественной – П. Н. Шихаревым. Структурные компоненты психологии личности воспроизводятся в психологии группы. Такая психология представляет собой наложение, взаимодействие мотивационных, познавательных, коммуникативных процессов. Результирующими продуктами взаимодействия этих процессов являются социальные установки, или аттитюды. В ходе развития этой теории за социальной установкой закрепилась трактовка ее как социально обусловленного отношения к объекту или явлению, как осознание, оценка, готовность действовать. Данная теория применяется в этносоциологии, где в рамках теории установки выделяются "этнические", "межэтнические" и "социальные" установки.

[5] Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., А. А. Сусоколов. Этносоциология. Учебное пособие для вузов. Москва: Аспект пресс, 1999.

Существует также теория социального дискурса, которая подчеркивает первостепенную важность языка, используемого в социальной практике, особое внимание уделяется генерированию взаимоисключающих понятий "мы–они", "свои–чужие". Эта теория, как представляется, в наибольшей мере подходит для объяснения многих ситуаций локальных и так называемых бытовых конфликтов на этнической или расовой почве. Распространяемые стереотипы о том, кого именно следует относить к категории чужаков, воспринимаемых как источник бед (нынешних и грядущих), создают прочную "убедительную" для индивида базу его антиобщественных поступков. Такие поступки нередко оцениваются СМИ и судебными органами как немотивированные. На самом деле мотив почти всегда имеется – убеждения.

Затянутые по времени конфликты, как правило, не являются локальными, чаще всего они имеют региональный масштаб, в них потенциально вовлечены большие группы людей. Таковыми являются все "замороженные" и "горячие" территориальные постсоветские конфликты, включая приднестровский, грузино-абхазский, грузино-югоосетинский и др. Теория длительного конфликта Э. Азара рассматривает глубоко укоренившиеся формы конфликта. Такие формы обладают типичными проявлениями: продолжающаяся экономическая или технологическая отсталость, отсутствие интеграции социальных и политических систем, неуверенность в безопасности, несправедливость социального распределения, социальный раскол и связанные с ним чувства идентичности. Длительные социальные конфликты коренятся в отрицании фундаментальных человеческих потребностей в безопасности. Конфликтующие стороны воспринимают друг друга как угрозу жизни, культуре, ценностям, самосознанию. Чувство угрозы приводит к усилению агрессии и конфликтному поведению. В принципе, такой подход улавливает какие-то закономерности, но он не верен в том, что представляет длительный конфликт как саморазгорающийся факел. Практика показывает, что, наоборот, взаимная агрессия сторон за длительный срок притупляется, и активистам конфликта приходится прикладывать немало усилий для очередного витка мобилизации.

В пособии по обучению методам анализа и разрешения конфликтов, подготовленном организацией "Международная тревога",[6] имеются некоторые полезные наблюдения. Конфликт, сказано в этом издании, возникает, когда стороны не согласны с распределением материальных или символических ресурсов и действуют, руководствуясь этими несовместимыми представлениями. Понимание субъективности

[6] Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. М.: 1997.

оценок "несовместимости" позволяет выстраивать схемы урегулирования или, по крайней мере, переводить конфликт в менее острое состояние. Во многих объяснениях причин конфликта данного пособия главное внимание обращено на значение идентичности. Это особенно характерно для теории основных человеческих потребностей, в которой делается различие между позициями, интересами, ценностями и потребностями. Потребности относятся к таким основным человеческим запросам, как идентичность, безопасность и признание, которые универсальны и "не могут быть предметом взаимных уступок". Их удовлетворение является ключевым для общественного человеческого развития. Идентичность понимается как нечто большее, чем психологическое чувство собственного "я", но включает в себя чувство физической, психологической, социальной и духовной защищенности (по Т. Носрупу). Идентичность индивида как члена группы описывается в терминах этнической принадлежности, религии, идеологии, языка и места проживания. Справедливо замечено, что в последние десятилетия этничность была выделена как один из наиболее важных элементов идентичности и является одной из основных причин многих конфликтов. Однако заметим, наличие этнической идентичности и нежелание поступиться ею не являются зерном этнического конфликта.

В пособии особо отмечается, что восприятие этнической идентичности может использоваться политическими лидерами и элитами как способ мобилизации населения на конфликт и как способ усиления власти. СМИ, использующие "язык этничности", могут играть на руку политическим лидерам, которые стремятся "этнизировать" конфликт.

Социальные составляющие конфликта, как ни странно, более всего заметны в региональных конфликтах. Что же касается локальных столкновений, то по причине ситуативности событий и подверженности участников частным и субъективным мотивам (приобретающей в случае локального конфликта особое значение) такие конфликты представляют собой наиболее сложный объект для анализа. Как правило, они возникают на бытовой почве и при всем хитросплетении конкретных причин, порождающих столкновения, на поверку оказывается, что видима лишь верхушка "айсберга".

Подтверждением этому являются трагические события в Кондопоге. На заседании правительства Республики Карелии, прошедшем в ноябре 2006 г., были определены основные причины возникновения чрезвычайной ситуации: неудовлетворенность кондопожан местной властью, неудовлетворительная работа правоохранительных органов, наличие в городе криминального бизнеса, рост преступности, нарушения миграционного и административного законодательства, неразвитость общественных институтов. В Кондопоге отмечается высокий уровень

безработицы и наблюдается значительное социальное расслоение[7]. Как видим, перечисленные причины обозначены почти во всех структурных концепциях социального конфликта, который способен перерасти в коллективные формы насилия. Несмотря на то, что в ряде регионов России, в частности Республике Коми, наблюдаются сходные социально-экономические и социально-политические условия и при этом нет открытых столкновений, вряд ли следует оставлять без должного внимания социальные факторы, создающие почву для потенциального конфликта. Отметим, что накануне событий в Кондопоге общественно-политическая ситуация в Карелии экспертами Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов не оценивалась как чрезвычайная, но, что крайне важно, указывалось на неблагоприятные социальные факторы. Таким образом, российские регионы, характеризующиеся негативными социальными процессами и испытывающие приток инокультурных мигрантов, могут быть отнесены к разряду потенциально конфликтных. И здесь первоочередной задачей для конфликтологов должно являться определение катализирующих факторов, проявляющих этот потенциал. По всей видимости, в этом могут помочь поведенческие концепции насилия в социальных конфликтах, дающие "инструменты" для выявления мотивов конфликтного поведения.

Недовольство жителей Кондопоги работой государственных структур и социально-экономическими условиями является весьма характерным явлением для многих "заштатных" городов. Источником групповой фрустрации в подобных ситуациях служит относительная депривация, поскольку налицо рост негативных установок и враждебности по отношению к контактирующим группам. Учитывая кондопожские события, приходится расширить список этих групп по Б. Бетельгейму и М. Яновицу, добавляя в него иноэтничных мигрантов.

Способом выявления движущих мотивов массового насилия в Кондопоге может стать социально-психологическая теория установки. В рамках этой теории нужно попытаться определить, какие именно факторы обусловливают сложившееся отношение к иноэтничным мигрантам, "позволяющее" не только оценивать их негативным образом, но и предпринимать в отношении них агрессивные действия. Тут мы выходим на теорию социального дискурса. Приходится констатировать тот факт, что местные СМИ играют большую роль в генерировании и распространении понятий "мы–они", "свои–чужие", негативных стереотипов в отношении иноэтничных мигрантов. До трагических событий в Кондопоге активист армянской НКА в Карелии Э. Бабаян выразил возмущение тем, что респуб-

[7] Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, № 70, ноябрь-декабрь 2006. С. 16-20.

ликанские СМИ тиражируют слухи о "кавказской резне" и криминальных разборках[8]. Таким образом, для читателя преступность может означать "кавказскую" преступность. (Впоследствии на Э. Бабаяна было совершено покушение, в результате которого он получил серьезное ранение).

Напомним о дискурсивной ситуации в другом спокойном регионе – Республике Коми. Согласно сообщениям эксперта Сети Ю. Шабаева, в этой республике местные СМИ регулярно выпускают материалы об угрозе мусульманского экстремизма, что сказывается на отношении к мусульманам в республике, кроме того, на страницах местных СМИ, в том числе и солидных, предоставляется возможность для выражения своих взглядов национал-радикалам республики. Вот несколько лозунгов национал-радикалов: "Остановим оккупацию нашей земли", "Русские, вооружайтесь", "Наша земля – для наших детей! Вспомни, что ты русский! Вспомни, что ты коми!" (Союз национального возрождения), "Папа, ты защитишь меня от черных?", "Так начиналось Косово! Вчитывайтесь, вдумайтесь, действуйте!" (Движение против нелегальной миграции)[9]. Как видим, здесь уже налицо генерирование социальных установок действия. Не следует забывать о фоновых социально-экономических условиях, согласно структурным теориям социального конфликта создающих потенциальное поле конфликта, которое могут активировать закладывающиеся в него "мины" социального дискурса.

В то же время, как показывает анализ событий в карельской деревне Куйтежа Олонецкого р-на (март 2007 г.), локальные конфликты между местным населением и иноэтничными мигрантами не всегда приводят к открытому массовому противостоянию на этнической почве. Эскалация конфликта не происходит даже при наличии внешних провоцирующих факторов и негативных установок. В ночь с 8 на 9 марта в деревне Куйтежа на дискотеке в результате стычки, в которой участвовали несколько человек местных и представителей Северного Кавказа, был убит ударом ножа молодой человек – местный житель. Поводом для конфликта стал отказ местному парню танцевать с девушкой, которая пришла на дискотеку с юношей – уроженцем Северного Кавказа[10]. Напомним о внешних акторах, пытавшихся перевести куйтежский конфликт в этнический. Съемочная группа от "Движения против нелегальной миграции" (ДПНИ) приехала на место происшествия с целью "объективного" освещения событий, но при этом она агитировала местных жителей на проведение митинга

[8] Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 66, март-апрель 2006. С. 14.

[9] Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 69, сентябрь-октябрь 2006. С. 27-28.

[10] См. об этом подробнее: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 72, март-апрель 2007. С. 34-36.

против чеченцев и предпринимала, по словам местных жителей, попытки посеять вражду между ними и мигрантами с Северного Кавказа. Другой актор – секта, не зарегистрированная на территории России, так называемая Русская катакомбная церковь в лице ее лидера Амвросия и местного священника отца Алексея, возглавляющего в Олонце общину. Эти люди попытались использовать события в Куйтеже для разжигания межнациональной розни, призывая местное население "исполнить заповедь Бога: кровь за кровь!". Однако массового противостояния на этнической почве не произошло.

Можно было бы приписать все заслуги по локализации конфликта местной власти, старательно отрицавшей этническую подоплеку конфликта, и силовым структурам республики, оперативно прибывшим на место происшествия и обеспечившим контроль над ситуацией. Но примечательно в данном примере следующее: местное население не поддалось на провокации ДПНИ и Русской катакомбной церкви и поддержало призыв члена фракции КПРФ не поднимать национальную тему на митинге, состоявшемся 9 марта. Несмотря на то, что местное население не очень доброжелательно и настороженно относится к кавказцам, живущим рядом с ними, главными виновниками в случившемся они признали местную власть и правоохранительные органы, которые не могут обеспечить безопасность их детей. Причем опасность для своих детей местное население видит не в кавказцах, а в неудовлетворительной воспитательной работе с молодежью, плохом обеспеченим со стороны милиции порядка на дискотеках, на которых зачастую присутствуют молодые люди в нетрезвом состоянии и часто бывают драки (заметим, местные жители говорят не о пьяных и драчливых кавказцах, а о пьяных и драчливых молодых людях).

По всей видимости, в случае необходимости оперативного погашения мгновенно вспыхивающих локальных конфликтов силовые методы и нейтрализация со стороны властей этнической риторики эффективны и помогают погасить конфликт. Однако при таком решении конфликтных ситуаций конфликтогенные факторы, рассматриваемые в теориях социальных конфликтов, такие как, например, (применительно к рассматриваемым нами случаям) неудовлетворительная работа государственных структур, неблагоприятные социально-экономические условия, влияние местных СМИ, остаются и продолжают оказывать свое воздействие. Показавшиеся было языки пламени погашены, но пожар "теоретического" конфликта продолжает тлеть и, как показывает печальная практика нашей страны, может опять выпустить языки пламени, причем окрашенные в цвета этничности.

Становится очевидным, что наряду с оперативными мерами необходимы меры превентивные, причем на долгосрочной основе. И вот здесь нужно обратить пристальное внимание на вопрос о том, целесо-

образно ли власти, сознательно избегавшей национальной темы во время урегулирования локального конфликта, продолжать делать это после его погашения (мы имеем в виду не озвучивание этой темы в СМИ и среди населения, а необходимость принимать ее во внимание и работать с ней). Заметим, что буквально за несколько дней до событий в Куйтеже (6 марта) заместитель прокурора Республики Карелия заверил всех присутствовавших на пресс-конференции, что события, подобные кондопожским, в республике больше не повторятся. А после куйтежской трагедии министр государственного комитета Республики Карелия по делам национальной политики и связям с религиозными объединениями сделал заявление о том, что у населения поводов для беспокойства в отношении межнациональных отношений нет[11]. Непонятно, откуда такая уверенность на фоне постоянно растущего уровня ксенофобии и нетерпимости в России, и в том числе на Северо-Западе страны? Вспомним также, что среди основных причин возникновения чрезвычайной ситуации в Кондопоге, определенных правительством Республики Карелии, проблемы враждебного отношения в иноэтничным мигрантам нет. Похоже, что власти старательно закрывают на это глаза, не осознавая, насколько высок конфликтогенный потенциал взаимоотношений между местным и пришлым населением, сложившихся по схеме "свои–чужие".

Несбалансированной человеческой природе свойственно причины своей неудовлетворенности искать вовне. Согласно психологам, компоненты психологии личности воспроизводятся в психологии группы (социально-психологическая теория установки). Следовательно, для несбалансированной социальной группы (вследствие депривации, например) естественным будет искать виноватого также вовне, например, местному населению (уже сложившемуся сообществу, где все свои) найти его в "чужом", а значит, в мигранте. Определенные механизмы могут либо сбалансировать группу, либо усилить дисбаланс. Б. Бетельгейм и М. Яновиц только лишь констатируют факт роста враждебности местного населения по отношению к контактирующим группам в случае депривации, но не указывают на его причины. Мы попробуем назвать некоторые из них, характерные для российских условий. По нашему мнению, это, во-первых, рассматриваемые в теориях социального конфликта социальный дискурс, СМИ, неблагоприятная социальная среда, во-вторых, не встреченные нами в рассмотренных выше теориях такие факторы, как национальная политика на федеральном и региональном уровнях и состояние гражданского общества. Поясним на примерах. Региональная политика этнофаворитизма в Ка-

[11] Там же.

релии и Коми, как нам представляется, порождает в коллективном сознании установку на безоговорочное право обладания "своим" и только "своим" географическим и этнокультурным пространством, куда вход чужакам запрещен. На это также неоднократно обращал внимание эксперт Сети Ю. Шабаев. Добавим, что на фоне насаждаемого местными властями этнофаворитизма имеются действительные этнокультурные проблемы "этнических фаворитов" (проблемы сохранения карельского языка, например[12]), что, по всей видимости, усиливает депривацию местного населения. Непродуманная этническая политика выступает в таких случаях дестабилизирующим фактором.

А теперь о состоянии и роли гражданского общества. В отличие, например, от Северного Кавказа, где в урегулировании конфликтов, как правило, принимают участие лидеры национальных общественных организаций, в Карелии и Коми со стороны местного населения мы такого не наблюдаем. А вот национально-культурные организации представителей Кавказа в этих республиках делают попытки либо отстоять свои права (что местным населением расценивается как нагнетание ксенофобских настроений[13]), либо разрешить конфликтные ситуации (после трагедии в Куйтеже лидер общества вайнахской культуры посетил мать погибшего и выразил ей соболезнование по поводу случившегося, члены общества приняли решение выслать из Карелии двух молодых людей, участвовавших в конфликте. Общество уже однажды принимало такое же решение). Кроме того, гражданская инертность местного населения не дает им возможности решать свои проблемы легитимным путем и способствует нарастанию подавляемого недовольства. В свете этого показательно сетование Н. Антоновой (кто она?), которое позволю себе не разделить: "В настоящее время все более ощущается требование со стороны государства вести национально-культурным организациям свою работу в русле толерантного поддержания диалога в монокультурном мире. НКО ощущают себя объектом профилактики межнациональных неурядиц, что, в принципе, никогда и не было свойственно коренным народам Карелии"[14]. От развитого общественного сектора может очень многое зависеть, и если народам Карелии не свойственно участвовать через общественные структуры в решении проблем в сфере межэтнических отношений, то, вероятно, следует этому учиться, как того требует время.

---

[12] См., например: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 77, январь-февраль 2008. С. 67-70.

[13] Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 66, март-апрель 2006. С. 14.

[14] См., например: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 77, январь-февраль 2008. С. 67-70.

Рассмотренные в статье теории лишь частично применимы для описания конкретных случаев локальных конфликтов. Каждая из схем предлагает концентрировать внимание лишь на определенных факторах. Тем не менее, они могут дать отправные ориентиры для анализа, а в случае еще непроявившихся конфликтов – "нащупать" теоретическую реальность конфликта.

Мы не можем применять умозрительные структурные и поведенческие схемы в чистом виде. Кондожские и куйтежские события не вписываются целиком ни в одну из них, но многие схемы что-то проясняют. По нашим оценкам, при анализе локальных конфликтов следует учитывать не менее двух десятков сложных параметров, в том числе и не учтенных в вышеперечисленных теоретических изысканиях. К таким параметрам в российских условиях, как уже отмечалось, мы можем отнести национальную стратегию и национальную политику на федеральном и региональном уровнях, общегражданскую идентичность, состояние гражданского общества. Добавим к этому необходимость еще и кросс-культурного анализа ситуации, системный подход, метод сопоставления прецедентов. Но следует задуматься, а можно ли реализовать этот научный арсенал в условиях, когда нужно принимать оперативные решения? Конфликт в его локальном проявлении, как правило, скоротечен... Однако, на наш взгляд, экспертиза состояния общества на предмет наличия конфликтного потенциала все-таки возможна, а, следовательно, основной упор в предотвращении локальных конфликтов должен делаться на превентивных, долгосрочных, комплексных мерах. Региональным властям нужно твердо осознать необходимость именно профессиональной экспертизы, профессиональных исследований и мониторинга состояния своего сообщества. С одной стороны, после кондопожских событий карельские власти говорили о том, что нужно проводить социологические исследования уровня нетерпимости и ксенофобии, состояния межнациональных отношений, с другой стороны, насколько нам известно, таких исследований на постоянной профессиональной основе в республике тем не менее не ведется, а в Республике Коми активисты ветеранских организаций выступили с предложением создать для регулирования межнациональных отношений и контроля миграционных процессов специальную комиссию, в которую должны войти представители силовых ведомств, Минкультуры, представители ветеранских организаций, национальных автономий и религиозных конфессий. О специалистах, таких как социологи, политологи, конфликтологи речь почему-то не шла[15].

[15] См., например: Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 69, сентябрь-октябрь 2006. С. 29.

Когда "чужой" станет "своим". О ригидности массовых стереотипов

В. В. Степанов, В. А. Тишков

Содействие адаптационным усилиям мигрантов и встречным усилиям местного населения в регионах Российской Федерации должно стать важной частью общегосударственной стратегии предупреждения социальных, религиозных и этнических конфликтов. Об этом свидетельствуют исследования, проводимые за последние годы Сетью этнологического мониторинга. В тех регионах, где проблеме взаимной адаптации уделяется должное внимание, уровень общественной ксенофобии относительно ниже, и не столь велика опасность гражданских столкновений.

С возрастанием миграционной активности, возникает вероятность, что этот естественный процесс может сопровождаться ксенофобскими настроениями и ростом конфликтности. Насколько появление новых этнических общин представляет для России опасность с точки зрения сохранения гражданского мира и социальной стабильности? Чрезвычайно важной в этой связи является проблема выяснения природы и механизмов восприятия "чужаков", формирования общественных установок. Сложность изучения проблемы связана с многообразием составляющих социальных феноменов, изучение которых невозможно без применения точных методов и междисциплинарных подходов.

Наше исследование, которое мы провели как серию опросов в 14 городах – центрах субъектов федерации (были выбраны по два региона в каждом федеральном округе)[1], показало, что общественные воззрения крайне противоречивы – они сочетают чувства позитивного отношения к многокультурности и прочно укоренные предрассудки о "плохих пришлых".

В практике социологических обследований используются так называемые проективные вопросы, которые помогают выявить установки респондентов, их потенциальное отношение к гипотетической ситуации.

---

[1] В 14 регионах (по два в каждом федеральном округе) в 2008 г. был проведен опрос взрослого населения (в возрасте 18 лет и старше), охвативший более 7 тыс. человек. Исследование проводилось по заказу Министерства регионального развития Российской Федерации Сетью этнологического мониторинга в рамках проекта "Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации" (рук. В. А. Тишков).

Проблема, однако, заключается в том, что многие проективные вопросы прямолинейны и как бы автоматически влекут за собой "общепринятые" ответы. Даже использованную в нашей анкете, казалось бы, завуалированную формулировку "чем окружающие вас люди не похожи друг на друга" после беседы на "этническую тему" легко распознается респондентами как продолжение поднятой темы. К тому же среди вариантов ответа предусматривалось два подсказа: люди различаются личными особенностями и люди различаются тем, что принадлежат к различным группам, общинам, народам.

Хотя ответы на другие вопросы анкеты показали, что в обыденном сознании россиян большое значение в повседневной жизни придается этническим различиям, но в данном случае, не взирая на "тему", респонденты отвечали на редкость единодушно: люди различаются между собой по индивидуальным, а не групповым качествам (79%). Интерпретация этого результата становится понятной из анализа ответов на следующий вопрос. Этот вывод заслуживает самой внимательной оценки и заинтересованной поддержки, ибо означает, что россияне оценивают и "делят" людей больше всего по личным качествам, недостаткам и достоинствам.

Далее был задан открытый вопрос о качествах, которые более всего характеризуют персону[2]. Опрашиваемые могли давать несколько произвольных ответов. Суммирование итогов позволило составить своеобразный рейтинг ответов, включивший три десятка позиций. В результате выяснилось, что более всего в человеке респонденты ценят именно индивидуальные, а не групповые качества – честность и порядочность (33%), ум (21%), доброта (18%), внешность (17%), характер (14%), далее по нисходящей градации следуют такие качества, как образованность, профессионализм, дружелюбие и т. д.

Возможно, специальное исследование могло бы выявить, что наиболее распространенные стереотипы, по которым оценивается персона, содержат и групповые характеристики (в частности, параметр "внешность"), но на нынешнем этапе анализа следует признать, что указанные проективные стереотипы в основном апеллируют к индивидуальным человеческим качествам. Такой характеризующий человека признак, как его "культура", указали менее пяти процентов опрошенных. О "национальности" вспомнили лишь 3,6%, о "языке" – сотые доли процента. В рейтинге персональных качеств человека "национальности" отводится 14-е место... Иными словами, назвавших национальность важным отличительным признаком персоны намного меньше тех, кто

[2] Вопрос был сформулирован следующим образом: "Назовите качества (не более 3-х), которые ярче всего описывают человека".

вообще не упомянул об этом "свойстве". Еще реже респонденты вспоминали о религиозной принадлежности человека. Следует признать, что во время проведения опроса, после довольно активного обсуждения "этнической темы", для оценки человеческих качеств респонденты вспоминают, прежде всего, об индивидуальных, а не "этногрупповых" отличиях.

Опираясь на эти данные, а также противоречащие им результаты, полученные по другим вопросам анкеты, очевиден вывод о противоречивости общественного сознания. Стереотипы основываются на идее обязательной этнической ("национальной") принадлежности и одновременно отводят этому феномену малозначимую роль в повседневной жизни.

4. Согласны ли вы с утверждением:
у жителей России больше сходств, чем различий?

Вопрос анкеты о том, чего у россиян больше – сходств или различий относится к разряду контекстных. В анкете его очередность предусматривалась после вопросов об этнических различиях людей, а также непосредственно вслед за свободным (неформализованным) суждением респондента о важнейших качествах человека. Цель состояла в том, чтобы выяснить, насколько этнические различия (которые широко признаются респондентами), могут служить препятствием для осознания единства россиян. Опять же, мы стремились действовать как можно менее прямолинейно, поэтому формулировка данного вопроса была в значительной мере абстрактной.

В результате с мнением о том, что у россиян больше сходств, чем различий, согласились две трети респондентов (21% – однозначно "да", 45% – во многих случаях "да"). Поскольку, повторим, данный вопрос предварялся целенаправленной беседой об этнических различиях, полученные данные, безусловно, свидетельствуют о хороших перспективах гражданского единения.

Но и категория тех, кого можно причислить к потенциально несогласным с идеей российской нации, оказалась довольно многочисленной. Для них идея гражданской нации, видимо, вступает в противоречие с идеей этнических различий. Если первая, наиболее многочисленная категория россиян, в принципе готова воспринять российское единство наряду с этническим разнообразием, то вторая категория рассматривает обе формы идентичности как взаимоисключения ("если я россиянин, значит уже не русский, не татарин и т.д.). Заметим, однако, что однозначное мнение о различиях высказало меньшинство (13%), а прочие не убеждены в своей точке зрения. Это опять-таки сви-

детельствует о значительном потенциале политики единства российской нации.

Прямолинейный вопрос о групповых различиях жителей России[3] предусматривал, что на фоне предыдущих вопросов респонденты учтут, что беседа имеет отношение к "этнической теме". Более того, мы намеренно сформулировали вопрос так, что факт групповых различий является как бы непреложным. Опрашиваемым оставалось указать, какие именно групповые различия наиболее характерны. Выяснилось, что для значительной доли опрашиваемых (около 40%) важной характеристикой россиян являются этнические различия. Но гораздо большее количество заявило, что в нашей стране люди различаются, прежде всего, по имущественному положению (71%), возрасту (50%), а также и по критерию местный/приезжий (44%).

Таким образом, для россиян стереотипными являются представления о том, что жители страны различаются по таким параметрам, как социальный достаток, возраст, принадлежность к коренному населению, этнические особенности. Прочие атрибуты оказались гораздо менее значимыми, в частности, указывались различия религиозные (19%), языковые (14%), общественно-бытовые (группы по интересам – 13%).

То, что языковое разнообразие в России не рассматривается большинством респондентов как разъединительный фактор, хорошо согласуется с данными Всероссийской переписи населения 2002 г. Эта перепись показала, что только 2% населения страны не владеет русским языком[4]. Для большинства участников опроса очевидным является тот факт, что знание русского языка естественным образом объединяет миллионы россиян, пользующихся и другими языками.

Следует обратить внимание и на то, что в России люди не придают существенного значения религиозным различиям. При существующем несходстве религиозных доктрин, такой результат свидетельствует о достаточно высоком уровне общественной толерантности в конфессиональной сфере. Очевидно, что для такой страны как Россия, фактор религиозного многообразия не является препятствием для формирования гражданского единства.

В общественном сознании нет жесткой увязки между языком, религией и национальностью (хотя о такой связи, как о непреложной истине, говорят некоторые исследователи, политические и религиозные деятели). Это означает, что общественное сознание во многом готово к восприятию идей культурного плюрализма.

---

[3] "Как вам кажется, по каким группам у нас в стране более всего различаются люди?".

[4] Степанов В. В., Тишков В. А. Этническое измерение России //Этнокультурный облик России. – М.: "Наука", 2007.

Мнение о том, что этнические различия "существуют" и "играют важную роль в жизни" распространено в России очень широко. Это, в частности, показывают ответы на вопрос об отношении к смешанным бракам[5]. Те респонденты, кто высказался против межэтнических браков, а также и те, кто активно "за" такие браки, в совокупности составляют подавляющее большинство опрошенных. Следует иметь в виду, что среди прочих проективных вопросов, тема семьи и брака попрежнему является эффективным средством выявления укорененных этнических (и иных "культурных") стереотипов. О том, что такие стереотипы живучи, свидетельствует сравнительно небольшая доля тех, кто считает, что национальность отношения к браку не имеет (30%). Напомним, что в общероссийском опросе приняли участие жители в основном крупных городов с высоким уровнем этнической мозаичности. Данный результат не показал что-то новое: десять и двадцать лет назад респонденты говорили о важности национальности при заключении.

Изучение восприятия этнических различий через призму семейно-брачных отношений позволяет строить предположения о мере межгрупповой отчужденности и о способности населения регионов и страны в целом ощущать гражданское единство. Опрос показал, что в целом среди россиян активную позицию неприятия смешанных браков высказывает сравнительно небольшая доля – менее четверти населения, причем среди них лишь часть составляют те, кто категорически не приемлет идею смешения (8% от всей численности опрошенных). При этом заметим, что непосредственно те, кто вступает в брак, т. е. преимущественно молодые люди, в своих личностных стратегиях выбора брачного партнера отодвигают этничность на самый задний план в сравнении с такими факторами, как личные достоинства, внешность, происхождение, интеллект и жизненные достижения. Даже религия в этом вопросе может быть более значимой, чем этническая принадлежность.

Логика нашего опроса была спланирована таким образом, чтобы, не называя напрямую какие-то национальности и вообще какие бы то ни было группы, попытаться выяснить, как сами респонденты категоризируют окружающих людей. Здесь, а также применительно к интерпретации других результатов опроса, следует особо отметить, что сами по себе житейские представления о разделении окружающих на группы, в том числе по национальностям, не является с нашей точки зрения препятствием в распространении идей гражданского единства. Однако важно понять, насколько такое различение является жестким.

---

[5] "Каково ваше отношение к тому, что люди разных национальностей заключают браки, образуют семьи?"

Наиболее жесткие стереотипы о разделении существуют в отношении приезжих, в особенности тех, кто, по представлениям респондентов, принадлежит к определенным национальностям. Вопрос анкеты не содержал подсказов, можно было дать ответы в произвольной форме[6]. Тем не менее, анализ результатов показал, что среди опрошенных практически никто не вспомнил, что в их городе стало больше "студентов", "строителей","сезонных рабочих", "молодежи". Не было также ответов: "уборщики улиц" или "рыночные торговцы", что, казалось бы, очевидным для многих мест, где проводился опрос. В общественном восприятии не отпечатался тот факт, что, например, в Москве за последние годы обосновалось множество выходцев из районов Московской области, Тулы, Смоленска, Калуги, Липецка, уральских областей, регионов Западной Сибири. А при опросе в Сыктывкаре как бы незамеченным остался тот факт, что за недавний период в этот город переселилось большое количество сельских жителей из окружающих районов. В целом по России практически никто из опрошенных не вспомнил столь часто тиражируемое СМИ словосочетание "трудовые мигранты", крайне редкой была ссылка на гастарбайтеров (0,4%). Зато почти все (!) респонденты указали на этническую принадлежность приезжих или на принадлежность к стране исхода. Причем наиболее "заметными" оказались такие приезжие, которые более всего выделяются фенотипически, а также в культурно-бытовом отношении.

Среди "заметных новых групп" чаще всего упоминают о китайцах (26% опрошенных), таджиках (22%), узбеках (12%) и вообще выходцах из Средней Азии (9%). Следует учесть, что указанные этнические названия условны, поскольку местное население зачастую не знает, из каких мест действительно люди прибыли. Нередко выходцев из Вьетнама принимают за граждан Китая (о том, что среди приезжих появились вьетнамцы, сказали 7% опрошенных). Выходцев из Киргизии нередко путают с приезжими из Таджикистана. Среди других заметных для общественного восприятия групп названы азербайджанцы (9%), кавказцы (9%), армяне (7%). Разнообразие ответов с этническим "наполнением" составляет несколько десятков. Среди них следует также упомянуть такие категории, как "негры", "грузины", "киргизы", "азиаты", "чеченцы", "дагестанцы", "турки".

Таким образом, общественное сознание воспринимает некоренную часть населения не по каким-то социальным, профессиональным или возрастным параметрам, но исключительно по "этническим" признакам.

---

[6] "В вашем регионе живут люди, происходящие из разных регионов России и других государств. Можете ли назвать тех, кого раньше здесь было мало или не было совсем?".

Далее был задан вопрос: "Ваше отношение к этой части населения". Поскольку приезжие определяются общественным мнением именно по "этническим" признакам, ответы об отношении к приезжим показывают отношение к любым культурно отличительным сообществам вообще. Не случайно, например, в обыденном сознании не делается различий между мигрантами и цыганами. Ситуация в данной связи не может быть названа благоприятной – о положительном отношении высказалась лишь десятая часть опрошенных, почти треть заявила, что относится к приезжим отрицательно (31%). Подавляющее же большинство (почти 60%) ответили, что их отношение – нейтральное, и этот факт требует дальнейших исследований. Пока неясно, какие мотивации и установки характерны для этой многочисленной категории. Если она восприимчива к негативным стереотипам в адрес "этнических приезжих", тогда радикально настроенная часть населения может считаться очень большой, и это следует рассматривать как источник социальной напряженности и конфликтов. Однако теоретическая посылка может состоять и в том, что население отрицательно воспринимает не сам факт многоэтничности, а слишком резкие перемены в привычном составе и связанные с этим перемены в образе жизни. Сказывается отсутствие усилий со стороны государства и СМИ в объяснении пользы от миграции для принимающего населения. Сказывается отсутствие опыта установления контактов и общения между мигрантами и старожильческим населением. Такой опыт был, например, в годы Великой Отечественной войны, в периоды освоения целины, организованной трудовой миграции 1960-70-х гг.

Последовательность вопросов анкеты была спланирована таким образом, чтобы после обсуждения проблем дискриминации, а ранее – обсуждения темы групповых различий россиян, респондент имел возможность перечислить категории людей, которые вызывают у него отрицательные чувства (повторим, в анкете мы сознательно избегали упоминаний каких-либо национальностей)[7]. При этом соответствующий вопрос не имел подсказок, и отвечать можно было в произвольной форме. Разнообразие ответов, как и ожидалось, оказалось очень большим – как в целом по общероссийской выборке (более 100 вариантов ответов), так и по отдельным регионам. Отсутствие коллективных представлений о двух-трех "врагах" уже само по себе свидетельствует о позитивной предпосылке распространения идей толерантности и гражданского согласия. К тому же заслуживает внимание тот факт, что, хотя ответ можно было дать в произвольной форме, о своем отрицании каких-либо групп людей не стали заявлять около трети респондентов.

---

[7] "Могли бы вы назвать группы людей, которые вызывают у вас отрицательные чувства?".

В первой десятке среди тех, кто вызывает отрицательные чувства – скинхеды (11,4% ответов), националисты (6,5%), лица без определенного места жительства (9,5%), религиозные сектанты (7,5%), алкоголики (7,4%), наркоманы (6,3%), представители уголовного мира (4,7%). В списке значатся также этнические наименования: кавказцы (8,4), армяне (8,9%), цыгане (4,6%). За пределами первой десятки находим также упоминания о грузинах, чеченцах, таджиках, азербайджанцах, китайцах, узбеках, евреях. Напомним опять-таки, что названия национальностей, называемых респондентами, не обязательно адресованы к конкретным этническим группам и, например, под "китайцами" следует также понимать и приезжих из Вьетнама, а под "таджиками" или "узбеками" – самых разных выходцев из среднеазиатских государств. Главный вывод – подавляющее большинство опрошенных не имеет в наборе своих отрицательных отношений какие-либо группы людей, а тем более представителей определенной национальности или вероисповедания. Это очень важный показатель реального (по крайней мере, на уровне представлений) существования общероссийской общности.

В рамках изучения общественного мнения о проблеме дискриминации и возможностей этнокультурного развития респондентам была задана серия вопросов о том, насколько в России и в конкретных регионах равны возможности социального и культурного развития людей разных национальностей и религиозных воззрений. О равенстве возможностей заявило большинство – порядка 80% респондентов. Следует, однако, отметить о некоторых различиях. О равенстве духовного и культурного развития вне зависимости от этнической принадлежности и религии заявило 83% респондентов. О том, что примерно равны возможности получения образования высказалось 82%. Что же касается возможностей достижения материального благополучия, то тут доля тех, кто говорит о фактическом равенстве, снижается до 77%. Соответственно, почти четверть составляют ответы тех, кто полагает, что равенства между национальностями в достижении материального достатка нет.

Можно ли считать, что полученный спектр мнений в целом отражает благоприятную картину? Вряд ли, ведь следует учитывать, что во многих регионах опроса какая-то часть населения является доминирующей по этнической принадлежности. В целом задача государства и общества состоит в том, чтобы социальные различия не были разительными и не имели характер этнического разделения.

Не стремясь задавать прямые вопросы об отношении местного населения к приезжим, более того, к приезжим определенных национальностей, мы пытались использовать косвенные показатели таких отношений. Одним из них является вопрос о том, можно ли считать человека "своим" (в анкете сказано – "местным"), если известно, откуда

он родом (таким образом, косвенно затрагиваются стереотипы об отношениях к национальностям). Респондента также ставят в известность, что жители его города или региона, о которых идет речь, обосновались здесь давно – более десятка лет назад.

Хотя опросы проводились во всех федеральных округах, ответы показали устойчивость мнений. Вне зависимости от того, как долго на "новом" месте проживают люди, их можно считать "своими", по представлению отвечавших, только в том случае, если они – выходцы из центральных областей России (81% ответов), Сибири (79%) или Дальнего Востока (74%). Что же касается тех, кто родом из северокавказских республик, то даже более чем десятилетний срок проживания на "новом" месте не гарантирует признания в качестве "своих" и "местных". За такое признание высказалось чуть более трети опрошенных, а две трети считают выходцев из республик Северного Кавказа чужаками, сколько бы лет те ни проживали на новом месте.

Две трети респондентов заявили о том, что нельзя назвать своими тех, кто приехал из закавказских государств – Армении, Грузии, Азербайджана. Свыше двух третей респондентов (68%) считают, что выходцам из среднеазиатских государств вообще не суждено стать местными в России. Можно предполагать, что и детей приезжих, родившихся в нашей стране, общественное мнение также склонно рассматривать в качестве "чужаков".

В какой плоскости следует рассматривать проблему этнических отношений в современной России? Видимо, речь, прежде всего, должна идти о взаимоотношениях местного и пришлого населения, особенно в случаях, когда те, кого считают "пришлым", составляют отличительную часть населения. В пользу такого вывода говорит факт почти полного соответствия ответов на вопрос об отношениях между местными жителями и приезжими с ответами на вопрос об отношениях "между национальностями". О том, что отношения с приезжими складываются хорошо, сказали менее трети респондентов, и незначительная часть затруднилась ответить. Остальные, а их подавляющее большинство, заявили, что во взаимоотношениях с приезжими существуют проблемы. В том числе 13% заявили, что отношения между жителями и приезжими – плохие, и 51% опрошенных полагают, что отношения складываются по-разному.

Ответы респондентов свидетельствуют о достаточно низком потенциале толерантности, слабой подготовленности гражданского сознания к восприятию этнокультурного многообразия в лице зримых меньшинств. Это означает, что если не будет специальной государственной политики, в ближайшей перспективе в российском обществе сформируются новые культурные барьеры и, как следствие – различные формы этнического и религиозного противостояния.

Дискриминация группы курманч

А. А. Кочергин

Краснодарский край принципиально не отличается от многих российских регионов по таким показателям, как способы воздействия на миграционные потоки и отношение к этническим меньшинствам. С другой стороны, ситуация в крае в течение всего новейшего периода российской государственности характеризуется проведением откровенной дискриминационной кампании против отдельной категории населения, выделенной по этническому признаку, маркируемой как туркимесхетинцы. Факты и обстоятельства данной практики стали предметом многочисленных заявлений не только российских и международных правозащитников, но даже ооновских и европейских структур и организаций. Некоторое смягчение дискриминационного режима наблюдается последние два-три года, что связано с реализацией американской программы по добровольному переселению месхетинских турок из Краснодарского края в США как беженцев.

Однако круг проблем, с которым приходится сталкиваться туркамесхетинцам и представителям "новых" этнических групп, по-прежнему остается актуальным. Основная часть данных мигрантов прибывала в регион на рубеже 19809-1990 гг., спасаясь от насилия в зонах этнических конфликтов в различных частях Советского Союза. Получить регистрацию по новому месту жительства многим не удавалось в течение длительного срока из-за отказа местных властей, что и служило причиной поражения во всех социальных правах. К настоящему времени большинство из них имеют российские паспорта и местную регистрацию. Но часть до сих пор имеет паспорта граждан СССР, ставшие недействительными, а часть была вынуждена получить паспорта новых независимых государств (в основном Армении и Киргизстана), поскольку по советским паспортам можно было въехать в эти страны, но не выехать из них.

Не имеющие российской прописки (пусть даже они и живут в России со времени, предшествующего вступлению в силу Закона о гражданстве 1991 г.) рассматриваются как нелегально проживающие в крае иностранцы или лица без гражданства. В особенно сложном положении оказались владельцы советских паспортов – эти документы утратили силу, по ним невозможно никуда выехать, а их владельцам отказываются продлевать временную регистрацию. Для тех, кто не признан рос-

сийским гражданином, в крае практически невозможно получить разрешение на работу, разрешение на временное проживание или вид на жительство. Те, кого считают нелегальными иммигрантами, постоянно подвергаются вымогательствам со стороны миграционной инспекции и милиции и фактически покупают себе взятками возможность жить. Отдельных "нелегалов" задерживают и приговаривают к выдворению из страны, даже несмотря на то, что у людей есть жены и дети – граждане России, и что эти люди давно утратили связи со странами, где они когда-то жили.

В несколько лучшем положении оказываются люди, получившие прописку и российские паспорта в других регионах России – их меньше штрафуют и не могут депортировать. Но многие проблемы остаются теми же – невозможно устроиться на работу, зарегистрировать брак, оформить домовладение.

То обстоятельство, что в фокусе дискриминационной практики и сопутствующего ей внимания международных организаций оказались турки-месхетинцы, привело к активизации этнического самосознания и представителей других общностей. И если ряд лидеров таких групп, как курды и езиды выбрали стратегию сближения с турецкими активистами по открытому обсуждению насущных проблем, то этнические антрепренеры других меньшинств стали делать акцент на подчеркивании групповой самобытности.

В официальном дискурсе и в формируемых им представлениях краевых жителей под обозначение "турки-месхетинцы" попадали не только непосредственно месхетинские турки, но и представители таких общностей, как хемшилы, батумские курды, терекеме. Такую "унификацию" можно объяснить общей исторической судьбой этих групп и схожими для внешнего наблюдателя культурными признаками.

Проживавшие на территории Южной Грузии, эти группы в 1944 г. были депортированы в Среднюю Азию, откуда на рубеже 1980-1990 гг. снова были вынуждены выехать, в том числе и в Краснодарский край. Сами представители этих групп, как правило, не идентифицируют себя с турками-месхетинцами, хотя до недавнего времени не проявляли активности по отграничению себя от них.

Хемшильская идентичность стала культивироваться в крае во многом под влиянием армянских лидеров (хемшилы – мусульмане, говорящие на диалекте армянского языка), "открывших" в приезжих родственную группу и настаивающих, что они – армяне.

Для батумских курдов ключевым моментом для манифестации самобытной идентичности стала американская программа по переселению месхетинских турок, а ее основным актором выступил Х. Гуржиоглы, привнесший в публичный дискурс представление о существова-

нии общности *курманч* и дискриминации ее членов в такой же степени, как и турок-месхетинцев.

Курманч в большинстве этнологических классификаций и официальных документов рассматриваются как курды, и если и выделяются как специфическая группа, то обозначаются номинацией "батумские курды". Самоназвание "курманч" происходит от обозначения диалекта языка *курманджи*, на котором говорят представители этой общности. Именно лингвистический маркер выступает среди основных характеристик идентичности группы. Как отмечает лидер курманч Гуржи-оглы, следует произносить курманч, а не курмандж. "У курманч особый говор, который знающему человеку сразу позволяет определить, что собеседник относится к курманч".

В последние год-два стали использовать, в том числе сами курманч, и наименование "батумский народ курманч (БНК)". Возникло оно в ходе реализации международного исследовательского проекта "Между интеграцией и переселением: турки-месхетинцы", проводившемся Европейским центром по делам меньшинств (ECMI) в 2004-2006 гг. Инициатором ее стал краснодарский антрополог И. Кузнецов. Не пользовавшиеся до этого большим вниманием со стороны представителей академического корпуса, активисты курманч были воодушевлены тем фактом, что попали в фокус масштабного исследования, и приняли деятельное участие в нем. Возникшее в ходе данного взаимодействия обозначение группы быстро вошло в их лексикон и в настоящее время все активнее присутствует в дискурсе.

Курманч, по данным И. Кузнецова, представляют собой несколько расширенных семей (Аннадурдиевы, Бакировы, Бешли-оглы, Гуржи-оглы/Гуржиевы, Джаяни, Дуз-оглы, Дурсуновы, Зулуф-оглы, Карадуман-оглы, Карамамед-оглы, Мамедовы, Мамо-оглы, Расуловы, Сарымамуд-оглы/Саримамедовы, Тем-оглы, Хаджи-Дурсун-оглы, Чакыр-оглы, Шам-оглы). Исторически они проживали в Аджарии, преимущественно в Кобулетском (с. Ахалсопели) и Хелвачаурском (сс. Кызыл-топрак, Кахабери, Ахалшени), а также в Батумском и Махарадзевском районах, то есть вблизи от российско(советско)-турецкой границы. Эта территория перешла к России от Турции в 1878 г. На тот момент курманч были двуязычны (турецкий и особый диалект языка курманджи) или даже полностью тюркоязычны (Бешли-оглы, Зулуф-оглы), исповедовали ислам суннитского толка и отличались от прочих курдов отсутствием четкого родоплеменного устройства (деление на тухумы), а также некоторыми культурными особенностями. Самоназванием являлось обозначение "курманч", в то время как прочих курдов они называли *"кучуми"*. Еще одной характерной чертой было то, что они поддерживали теснейшие связи, в том числе брачные, с хемшилами (с. Кызыл-топрак – сме-

смешанное хемшильско-курдское). У их соседей по Аджарии за такими смешанными семьями закрепилось название *курдохемшилы*.

Многие сторонние авторы вообще путали курдов с хемшилами, называя последних также курдами. При паспортизации в советский период многих представителей обеих групп отнесли к тюркам (туркам, азербайджанцам). На момент депортации в 1944 г. общая численность курманч составляла около 8 тыс. человек.

Относительно численности курманч в настоящее время представляется возможным дать только приблизительные оценки. По мнению Гуржиоглы, численность курманч составляет порядка 20 тыс. человек, причем в России проживает, по разным оценкам, от 2,5 тыс. до 4 тыс. курманч. Наиболее многочисленны общины (более 1 тыс. человек) представлены в Краснодарском крае и Орловской области. В ряде других регионов центральной и южной России проживают по несколько десятков курманч. Из стран ближнего зарубежья большой численностью проживающих там курманч выделяются Казахстан (Алма-Атинская, Джамбульская, Талды-Курганская, Чимкентская области) – около 6 тыс. человек и Кыргызстан (Ошская, Джалал-Абадская, Таласская области) – около 5 тыс. человек. В Азербайджане (Хачмасский район) и Грузии (Хелвачаурский и Батумский районы) проживают примерно по 100 человек. На территории дальнего зарубежья курманч проживают в значительном количестве только в Турции. В городах Хопа, Самсун, Бафра и других районах на востоке Черноморского побережья живут приблизительно 5 тыс. человек.

Как уже отмечалось, этническая мобилизация курманч в Краснодарском крае всецело определяется общественной деятельностью их лидера Х. Гуржи-оглы, что обусловливает необходимость представления его биографии. Показательно его фамильное имя: в переводе с турецкого *gürcü* 'грузин[а]' и *oğli* 'сын'. Скорее всего, как отмечает И. Кузнецов, оно указывает на христианско-грузинских предков в родословной. По некоторым данным, в кон. XVIII – нач. XIX вв. аналогично могли называть себя и месхетинские турки Южной Грузии, подчеркивая тем самым смену идентичности, произошедшую у своих предков. Сам Хасан Бакирович Гуржи-оглы родился в Сузакском районе Джалал-Абадской области Киргизской ССР в 1955 г., в местах высылки курманч. Его дед, Али Хусейнович Гюрчи-оглы, в 1930-е гг. был председателем колхоза в с. Гонио Батумского района Аджарской АССР и неформальным лидером народа. За невыполнение очередного плана по сдаче государству цитрусовых культур его осудили на 5 лет тюрьмы, впоследствии замененной принудительными работами по строительству Волго-Донского канала. После смерти А. Гюрчи-оглы статус лидера народа перешел к его сыну Бакиру Алиевичу (отцу Х. Гуржи-оглы). В ходе депортации семью

Гюрчи-оглы первоначально поселили на ст. Уиштобе Талды-Курганской области Казахской ССР. Но уже весной 1945 г. они самовольно покинули место высылки и бежали обратно. В г. Кизляре Дагестанской АССР их задержали и переправили в депортационный лагерь в с. Шали, где продержали 6 месяцев, а затем опять выслали в с. Новотроицкое Джамбульской области Казахской ССР. До 1950 г. они находилась там под комендантским надзором, пока по просьбе Б. Гюрчи-оглы им не разрешили воссоединиться с родственниками, попавшими в результате депортации в Киргизию. Так они перебрались в Сузакский район Джалал-Абадской области. После реабилитации и отмены комендантского режима спецпоселений (1956 г.) батумским курдам, как и другим высланным из Аджарии, разрешено было селиться везде в СССР, кроме их родины. Тем не менее, в 1957 г. семья Гюрчи-оглы попыталась вернуться в Аджарию, но безуспешно, и поэтому вынуждена была поселиться в Худатском районе Азербайджана, прожив там около года. В 1958 г. они попытались переехать в Аджарию вновь, самовольно заселившись в с. Чолоки (Кобулетский район), но прожили там всего год, и в мае 1960 г. были насильно возвращены в Азербайджан. В 1971 г. семья Б. Гюрчи-оглы перебралась в пос. Молодежный Белореченского района Краснодарского края. Здесь Х. Гуржи-оглы окончил среднюю школу, пытался поступить на юридический факультет КубГУ, но неудачно (действовали этнические квоты и секретное распоряжение, рекомендующее не принимать на учебу представителей депортированных народов). В 1974 г. Х. Гуржи-оглы окончил шоферские курсы и был призван в армию. Службу проходил в Москве, где возил командный состав. После армии вторично пробовал поступить в КубГУ, но снова безуспешно. В 1980 г. вернулся в Киргизию и стал работать на одном из крупнейших в Ферганской долине Джалал-Абадском хлопковом заводе. Вскоре был выбран зам. председателя профкома завода, смог, теперь уже по направлению, поступить и успешно окончить (заочно) Фрунзенский автодорожный техникум. Отличаясь нонконформизмом, неоднократно вступал в конфликт с руководством завода, требуя то улучшений условий труда, то выступал за права курдского меньшинства. В 1987-1988 гг. участвовал в I и II съездах курдов СССР в Москве, был избран первым зам. председателя Курдской общественной культурной организации "Якбун". Участвовал в проведении курдских митингов и был членом делегации на приеме у членов Президиума Верховного Совета СССР. Начал испытывать давление со стороны КГБ. В результате в декабре 1989 г. в отношении Х. Гуржи-оглы было возбуждено уголовное дело. Суды дважды приговаривали его соответственно к 5 и 4 годам лишения свободы, но в итоге разбирательство дела затянулось и, в конце концов, было прекращено. После того, как в августе 1991 г.

вспыхивает конфликт в Ошской области? Х. Гуржи-оглы со своей семьей в экстренном порядке переезжает в станицу Кабардинскую Апшеронского района Краснодарского края, где и проживает по настоящее время.

В 90-ые гг. Гуржи-оглы не был заметен среди активистов этнических меньшинств края. Однако он оказался в числе первых, кто подал заявление на участие в программе правительства США по переселению турок-месхетинцев. Получив отказ от американцев, основным аргументом которого, скорее всего, стала его категоризация как курда, Гуржи-оглы развернул кампанию по утверждению курманч как самостоятельной группы, представители которой не являются ни курдами, ни турками. Уже в сентябре 2004 г. им выпускается обращение к послу США в РФ с просьбой о включении курманч в программу переселения. В нем акцентируются три аспекта формируемого представления о данном народе. Во-первых, подчеркивается статус депортированного народа. Во-вторых, говорится о дискриминации курманч в Краснодарском крае, даже "несмотря на то, что более восьмидесяти процентов нашего народа имеют гражданство и регистрацию". В-третьих, отмечается родственность народов, "трагедия и судьба которых едина, так как исторически наши народы – турки-месхетинцы, батумские курды (курманч), хемшилы — проживали и проживают вместе, имея общие культуру, обычаи, семьи и религию". И хотя просьба так и не была удовлетворена, заявить о себе в публичном дискурсе курманч удалось в полной мере.

С этого же времени Х. Гуржи-оглы и ряд других активистов включаются в интенсивную правозащитную деятельность. Они устанавливают контакты и налаживают тесное сотрудничество как с местными, так и общероссийскими правозащитными организациями, прежде всего с ПЦ "Мемориал". Предпринимаются попытки зарегистрировать собственную общественную организацию, которые из-за противодействия властей оказываются неудачными. Тем не менее, создается "Община батумских курманч" без образования юридического лица, о которой говорится как о "первой организации за всю историю батумского народа курманч".

Представители курманч и, прежде всего, сам Х. Гуржи-оглы, принимают участие во всех акциях этнических меньшинств по протесту против дискриминационной политики краснодарских властей, во встречах с делегациями представителей ооновских и евросоюзовских структур по вопросам прав человека. Выступая и как религиозный лидер курманч, Х. Гуржи-оглы становится членом Совета при муфтии Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края, назначается Уполномоченным муфтия по вопросам свободы совести и прав человека.

Такая активность лидеров курманч не остается незамеченной другими политическими и общественными деятелями. В последнее время

вышло несколько публикаций в центральной прессе, предметом которых явилось обсуждение положения курманч в крае. Оно же стало обязательным сюжетом обзоров и комментариев правозащитников по проблеме соблюдения прав человека в регионе. Признали курманч в качестве самостоятельного субъекта взаимодействия и представители органов власти, прежде всего, муниципальных. Состоялось несколько встреч Х. Гуржи-оглы с главами разных муниципалитетов по вопросам урегулирования условий хозяйственной деятельности курманч, которые в основном заняты в сельском хозяйстве.

Обратной стороной процесса признания явилось усиливающееся давление со стороны правоохранительных органов. Сам Х. Гуржи-оглы говорит о периодических провокациях по отношению к нему и членам его семьи, постоянных проверках личных документов и его предпринимательской деятельности. Также были отмечены случаи встреч и бесед сотрудников силовых структур с членами общины курманч, в ходе которых предпринимались попытки дискредитации ее лидеров и убеждения не оказывать им поддержку.

Но, даже сталкиваясь с противодействием, мобилизационные процессы среди курманч продолжают развиваться. В мае 2008 г. сотрудники правоохранительных органов задержали двух представителей курманч по подозрению в наркоторговле. Уже находясь в ИВС, они оказались сильно избитыми, что потребовало их госпитализации, в дальнейшем в отношении их были допущены и другие процессуальные нарушения. Попытки родственников опротестовать действия силовиков в суде не имели положительного результата, поэтому 26 июня около десяти представителей курманч провели в Краснодаре в сквере напротив краевой администрации пикет с требованием от правоохранительных и судебных органов объективного отношения к подследственным. Среди плакатов, демонстрировавшихся пикетчиками, были и такие: "Суд и прокурор, повернитесь к народу курманч" и "Нет пыткам и избиениям курманч". Легитимизация группы была одной из целей данной акции. В этой связи следует отметить, что разработчикам инструментария предстоящей всероссийской переписи населения необходимо задуматься о том, чтоб включить в список этнических групп и курманч. Лидеры курманч собираются на этом настаивать.

Кавказцы в центральных регионах России

А. А. Ярлыкапов

Российские регионы зачастую проводят самостоятельную политику в отношении этнических меньшинств и миграции, да и местное население воспринимает приезжающих по-разному. Это накладывает отпечаток на своеобразие адаптации мигрантских сообществ. В данной статье будет рассмотрен опыт изучения ситуации с так называемыми новыми этническими общинами в трех регионах – Астраханской и Оренбургской областях, а также в Ханты-Мансийском автономном округе.

Астраханская область – регион, который территориально относится к Южному федеральному округу. Здесь помимо преобладающего русского населения имеются довольно значительные группы казахов, татар – казанских, мишарей,.юртовцев, а также ногайцев-карагашей, туркмен.

По переписи 2002 г., в Астраханской области проживают около 16 тыс. представителей дагестанских народов. А по мнению полномочного представителя Республики Дагестан в Астраханской области И. И. Омарова, в регионе расселено около 50 тыс. дагестанцев. Причем в это число не входят ногайцы из Дагестана, которые в Астраханской области учтены вместе с карагашами.

Дагестанское население Астраханской области четко делится на старых и новых переселенцев. Старые – это те, кто приехал в советское время, около 70% из них – даргинцы. Перебравшиеся по причине безземелья в Астраханскую область дагестанцы занимались скотоводством, устраивались заготовителями на местных сельскохозяйственных предприятиях. В меньшей степени они были заняты в растениеводстве (как правило, бахчеводство на арендованных у совхозов землях). Работа заготовителем приносила в советские годы большие деньги. Впрочем, и выращивание скота позволяло простым чабанам копить на "Жигули", "Волги" и прочие материальные блага. Уже тогда мигранты-дагестанцы, сумевшие заработать нелегким трудом в сельском хозяйстве, вызывали раздражение и зависть у своих соседей.

Многие из мигрантов-дагестанцев после экономических потрясений начала 1990-х гг., обесценивших продукцию овцеводства, вернулись в Дагестан. Тогда в Астраханской области осталось меньшинство, в основном те, кто не имел отношения к сельскому хозяйству. За прошедшие годы они интегрировались с астраханским сообществом и ныне заняты в самых разных областях деятельности (врачи, инженеры, чиновники, торговцы, предприниматели), и живут преимущественно в

городах. Их дети родились в Астрахани и в основном русскоязычны, немало смешанных браков как между представителями дагестанских народов, так и дагестанцев с русскими. Родители стараются приучать детей к родному языку, причем самый распространенный метод – отправлять детей на лето в Дагестан к бабушкам и дедушкам. Три месяца в году – это неплохой срок для погружения в языковую среду, поэтому отпрыски первых переселенцев понимают язык своих родителей, порой даже говорят на нем, хотя это бывает довольно редко.

Новая волна дагестанцев-переселенцев устремилась в Астраханскую область в первое постсоветское десятилетие. Если раньше среди переселенцев-дагестанцев преобладали даргинцы, то теперь увеличилась доля аварцев и лезгин. При этом люди обычно направляются к родственникам или к знакомым. Сначала устраивается один человек, затем подтягиваются остальные родственники. Этим во многом объясняется стремление дагестанцев селиться компактными группами. Естественно, эти компактные группы включаются в себя либо родственников, либо выходцев из одного селения или сельского района. Не удивительно, что поддерживаются тесные связи с родиной, и многие дагестанцы, как правило, продолжают ощущать себя членами тех общин, из которых они родом. Даже оказавшись на новом месте, они продолжают воспроизводить привычный для себя круг взаимоотношений. Высокий уровень связей с родными общинами характерен среди астраханских мигрантов для дагестанцев и вайнахов.

Дагестанцы весьма мобильны и часто ездят в Дагестан, благо путь недалек. Сев на поезд вечером в Астрахани, рано утром они уже в Махачкале. Поездки поддерживают связь между родственниками и знакомыми. Люди посещают друг друга по поводу свадеб, похорон, просто ради общения. Практически вся ритуальная жизнь продолжает локализоваться в регионе исхода. Даргинцы увозят покойников к себе в горы, чтобы похоронить их на родовом кладбище. Обычай требует, чтобы у него, где бы он ни находился, был на родине свой дом, из которого его и выносят в последний путь. Во многих селениях населенного даргинцами Левашинского района пустует порой до половины домов, хозяева которых живут и работают в самых разных краях России, в том числе и в Астраханской области. Конечно, какая-то часть дагестанцев, переехавших в Астрахань, намерена здесь укорениться. Но тесные связи с родиной неукоснительно сохраняются.

Очевидные причины волны миграции дагестанцев постсоветской поры – это экономический кризис, приведший к росту безработицы среди избыточного трудового населения. Не стоит сбрасывать со счетов также приведшую к дальнейшему ухудшению экономической ситуации транспортную изоляцию республики в годы чеченских кампаний

(кстати, она была разорвана в направлении Астрахани, через которую и прошла стратегически важная для республики новая железнодорожная ветка на Москву взамен той, что проходит через Грозный).

Особенно тяжелая ситуация сложилась в горной местности. Довольно много переселилось в Астраханскую область аварцев и представителей андо-цезских народов из высокогорных Цумадинского и Ботлихского районов. Дагестанцы даже шутили, что ботлихцев в Астрахани больше, чем в самом Ботлихе. Вот пример бедственного положения жителей горных селений. В селении Инхило Ботлихского района Дагестана лишь на участке в 37 га растут абрикосовые деревья, и больше у селения нет никаких источников пропитания. Находящийся в 8 км от села соляной прииск сегодня не может восприниматься как серьезный источник средств существования. Раньше здесь был консервный завод, перерабатывавший садовую продукцию, но он не пережил кризиса. И таких сел в горных районах много. Сложилась даже парадоксальная ситуация: в семьях основными кормильцами стали пенсионеры – порой единственная категория людей, получающих на руки деньги. Для полного сил молодого человека, тем более создавшего семью, жизнь на пенсию родителей – не самое лучшее решение. Соответственно, поехав за пределы своего района и республики, дагестанцы тратят все свои силы на то, чтобы заработать на достойное существование. Многие из них, приехав в Астрахань, становятся зажиточными людьми. При этом мигранты из Дагестана тратят значительную часть заработанных денег на поддержку родственников, оставшихся на родине.

Дагестанцы в Астраханской области заняты в основном в сельском хозяйстве и торговле. В Черноярском районе около 9% населения составляют дагестанцы, которые трудятся в основном в традиционном для себя качестве чабанов и бахчеводов. Последние обычно высаживают несколько культур, не ограничиваясь знаменитыми астраханскими арбузами. Занимаются дагестанцы и торговлей. Под их контролем находятся многие рынки Астрахани, в т. ч. крупный рынок "Большие Исады". Рядом с ним находится бывшая татарская, а теперь преимущественно дагестанская мечеть[1].

[1] Хоть в исламе и не делается различия по национальной принадлежности верующих, в Астрахани сложилась любопытная ситуация, связанная с существованием различных толков (мазхабов) в суннизме. Татары и представители дагестанских народов – сунниты, однако первые практикуют ханафитский толк, а вторые – шафиитский. Их различия несущественны, но отражаются на культовой практике, в частности, молитвенной. Это и привело к негласному разделению мечетей города на условно "татарские" и "дагестанские". Есть здесь и шиитская "азербайджанская" мечеть.

Конечно, такая активность приезжих вызывает некоторое недовольство среди местного населения. Как правило, астраханцы с трудом отличают, кто дагестанец, кто азербайджанец или чеченец.

Миграция дагестанцев в Астрахань и область носит ярко выраженный трудовой характер, поэтому занято подавляющее большинство дагестанцев. Пенсионеров среди них очень мало, как правило, это представители первой волны переселенцев.

Доминанта восприятия окружающего мира у дагестанцев в значительной мере сводится к тому, что Астраханская область – это территория, которую необходимо осваивать. Причем по мере освоения на эту территорию переносятся некоторые знаковые названия, характерные для территории исхода, – появляются кафе и прочие заведения, названные в честь родовых сел переселенцев. При этом вопросы сохранения языка и культуры пока отступают на второй план, поскольку пока решаются сами собой.

Селиться дагестанцы предпочитают компактно. Обычно они снимают квартиру или покупают дом рядом с работой, целые улицы заселены дагестанцами рядом с рынками. Яркий пример – улица Бакинская и находящиеся рядом улицы и переулки, которые расположены в районе рынка "Большие Исады". В некоторых местах кажется, что находишься не в Астрахани, а в каком-нибудь дагестанском городе. На астраханскую почву переносится все, в том числе строительные традиции, быт, окружение, громкая аварская и даргинская речь. То, что дагестанцы не стесняются довольно громко разговаривать на родном языке и ведут себя вполне раскованно, свидетельствует о комфортности их пребывания на астраханской земле.

С одной стороны, такой тип поведения гарантирует самосохранение дагестанцев как особой группы населения среди культурно отличных астраханцев. Однако добровольная самоизоляция создает в то же время атмосферу отчуждения.

Отношения с окружающим населением у дагестанцев, как и у других кавказцев, складываются непростые. Старожилы не задумываются обычно, с кем имеют дело: с собственными согражданами, жителями ближнего зарубежья. Для них все выходцы с Кавказа представители одной категории – "лица кавказской национальности". Основная претензия местных жителей: "они (кавказцы) пытаются влезть со своими порядками", нарушая установившуюся в области межэтническую гармонию. Припоминают кавказцам, в частности дагестанцам, и взятую ими на себя роль "брутальных самцов", пристающих к девушкам, и раздражающую окружающих громкую речь на своем языке в общественных местах и т. д.

Негативный образ весьма устойчив в сознании среднестатистического жителя области. Он приводит к реальным проблемам дагестанцев

в их взаимоотношениях с окружающим населением. Помимо негативного отношения в повседневной жизни, они отмечают поборы и притеснения со стороны представителей правоохранительных органов. Им постоянно напоминают об их инаковости, отпускают фразы вроде "понаехали тут", обидные клички – "черные", "хачики" и проч. Это весьма тревожная тенденция – если в советское время она подавлялась государственной машиной и официальной идеологией "дружбы народов", то теперь ксенофобия среди старожилов распространена довольно сильно, пока – на бытовом уровне.

Появление большого числа мигрантов вызывает среди значительной части старожилов настороженность и недовольство изменением привычной бытовой картины. Соединяясь с другими фобиями и фрустрациями, в глазах старожилов сам факт проживания кавказцев на "их земле" воспринимается как угроза. Основная претензия старожильческого населения к переселенцам с Кавказа, в частности к дагестанцам, – "пусть они себя ведут здесь как гости". Однако дагестанцы чувствуют себя в Астрахани и области, как дома и ведут себя соответствующе. Следует ли в такой ситуации говорить об успешной адаптации приезжих, если очевидно, что требуется стремление приспособиться к новым условиям с обеих сторон.

Рассмотрим пример адаптации кавказцев в Оренбургской области. Этническая палитра региона, несмотря на численное преобладание русских, является пестрой. Здесь проживают украинцы, татары, казахи, чуваши, мордва, цыгане. Заметную часть населения составляют кавказцы, среди которых наиболее заметны для общественности – чеченцы. Есть и среднеазиатские мигранты (узбеки, таджики). Две последние группы также объединяются оренбуржцами в группу "других" с характерными обозначениями: "они", "ваши" (при обращении к "членам" группы), "черные", "чурки", "хачики"...

Наиболее проблемными, с точки зрения оренбуржцев, являются чеченцы. Такой взгляд связан с последствиями вооруженного конфликта в Чечне, создавшего негативный образ. Влияет также и опыт совместного проживания чеченцев с казахами в Казахстане в годы сталинской депортации. В то же время убедительно объяснить, почему с кавказцами вообще и с чеченцами в частности "невозможно совместно проживать", никто из наших собеседников объяснить не смог. Основная претензия та же, что и в Астраханской области – они (т. е. кавказцы) нарушают установившийся порядок. Один из лидеров казахской общины выразился так: "Здесь в области веками сложилось общее поведение, а чеченцы пытались влезть со своим уставом". Кавказцы, по мнению старожилов, с некоторым пренебрежением относятся к представителям других национальностей, и это вызывает ответную реакцию. Негативный образ весьма устойчив в сознании жителей области.

Для кавказцев доставляют неудобство поборы и притеснения со стороны представителей правоохранительных органов. По мнению первых, именно представители правоохранительных органов нагнетают негативный образ кавказца. В то же время статистика, по мнению кавказских активистов, свидетельствует об обратном. Говорили, что за 2006 г. мигранты совершили лишь 0,6% от всех преступлений, зафиксированных в области, из них половину составили административные правонарушения (надо полагать, в большинстве своем имеется в виду отсутствие регистрации). Кроме того, происходит дискриминация кавказцев в некоторых областях, особенно в таких значимых для них, как наем жилья. В городах области "кавказцам" очень трудно снять жилье, а об остроте проблемы свидетельствуют объявления о сдаче жилья с уточнением национальности ("сдаем только русским"). Как показали проведенные нами интервью со старожилами, эти объявления направлены именно против "кавказцев", поскольку авторы таких объявлений обычно не отказывались в случае обращения сдать жилье татарам, башкирам или казахам.

Основная обида для кавказцев в оренбуржье – это постоянные напоминания об их инаковости, обидные клички. Никто, по их мнению, не хочет признавать их очевидной полезности – вклада представителей этой группы в развитие местного строительства, сельского хозяйства, экономических связей. Иногда бывают и исторические обоснования. Чеченцы считают, что раз Россия отстояла свое право считать Чечню неотъемлемой частью своей территории, то русские должны признавать их и полноценными гражданами страны без поражения в правах.

Интересен пример армян. Они терпят вместе с мусульманскими земляками не очень ласковое отношение со стороны старожилов. Но армяне в России, по их собственному признанию, пользуются широкой поддержкой властей. По мнению армян, даже милиционеры в Оренбурге более благосклонны к ним и могут не штрафовать даже в случае отсутствия регистрации. Одна из представительниц армянской диаспоры в интервью отметила: "Азербайджанца, например, (милиционер) оштрафует, и просто так не отпустит, а армянина, даже если регистрации нет, может просто так отпустить".

Есть и взаимные претензии и обиды в среде самих кавказцев. Здесь сказываются такие проблемы, как "карабахский конфликт", и это накладывает отпечаток на отношения между оренбургскими армянами и азербайджанцами. Несколько натянуты отношения между дагестанцами и чеченцами из-за вторжения боевиков во главе с Басаевым в 1999 г. в Дагестан, сказывается и нерешенность проблем чеченцев-аккинцев в Дагестане и т. д.

По мере освоения на оренбургской земле, кавказцы переносят сюда некоторые знаковые названия, характерные для территории исхода. Поскольку группа не имеет внутреннего единства и во многом искусст-

венна, то каждая ее составляющая занимается "освоением" региона по отдельности, что неминуемо приводит к определенной "этнической специализации": чеченцы – бизнесмены, азербайджанцы – торговцы и посредники и т. д. Декларируемые установки – это характер "освоения", нахождения на данной территории, наличие такого "права". Кроме того, активное занятие многих ниш экономической деятельности объясняется тем, что якобы "местные алкаши" не хотят работать, им "лишь бы пить и завидовать" и т. д. Реальное поведение, как представляется, не всегда соотносится с законом, однако это вполне объяснимо для молодой группы населения. Действительно, у относительно недавно прибывших кавказцев главная задача – это закрепление на новой территории, и не всегда ее можно решить абсолютно законными способами, особенно в обстановке фактически враждебного отношения старожилов. При этом и вопросы сохранения языка и культуры могут быть подняты в среднесрочной перспективе.

Переместимся на Север России. Нефтяной бум последних десятилетий оказал влияние и на южные регионы страны. Миграционные потоки устремились в те места, где происходило развитие инфраструктуры добычи нефти и газа, где, наряду с нефтяниками, появился большой спрос и на специалистов в других областях, и просто на неквалифицированных работников. Как правило, зарплаты здесь высоки не только у нефтяников. Проследим движение ногайцев на российский Север.

Ногайцы проживают в основном на Северном Кавказе. Еще не так давно в миграционном отношении они были наименее мобильными по сравнению со своими соседями. Но с середины 1990-х гг. масштабы их переселений оказались настолько впечатляющими, что стало очевидно: ногайцы за относительно короткий срок быстрыми темпами пошли по пути социальной модернизации. Только по официальным данным, с середины 1990-х и до 2002 г. из своих родных мест мигрировали около 10% проживающего здесь ногайского населения[2].

Основной отток ногайцев из северокавказских регионов наблюдался на российский Север, в регионы Уральского, в меньшей степени Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Наиболее при-

---

[2] Не считая миграции в пределах ЮФО, часто вынужденной. Например, более половины ногайцев из Шелковского района Чеченской республики переселилось в соседние Ногайский район Дагестана и Нефтекумский район Ставропольского края во время двух военных кампаний и последующей нестабильности в Чечне. Впрочем, переселение это началось даже раньше, когда в дудаевской Чечне буквально заставляли уезжать нечеченское население. Однако массовый характер оно приобрело с началом военных действий. В райцентре Ногайского района с. Терекли-Мектеб вырос микрорайон, населенный переселенцами из Чечни, названный в просторечье "Дудаевкой". Такие же микрорайоны выросли и в селах Нефтекумского района, особенно в селе Каясула.

влекательной для ногайцев оказалась Тюменская область. По данным переписи населения, на 2002 г. в Ханты-Мансийском АО уже проживало 2,5 тыс. ногайцев, в Ямало-Ненецком АО – 1,7 тыс.

Ногайцы едут даже в заполярный Норильск: в 2003 г. из проживающих в Красноярском крае 380 ногайцев три четверти проживали в этом городе. Конечно, эти цифры не отражают реального положения дел, поскольку ногайских мигрантов там значительно больше, но общая тенденция очевидна.

На Север едут ногайцы в основном из Дагестана и Карачаево-Черкесии, значительно меньше – из Ставропольского края и Астраханской области. Из Дагестана мигранты представляют все группы ногайцев – караногайцев, бабаюртовских, сулакских. Особенно массовым отток населения был в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Основные причины – экономические (безработица, низкие заработки на родине, не позволяющие обеспечивать достойный уровень жизни для себя и своей семьи).

Анализ состава мигрантов по времени позволяет выявить определенную закономерность: если в 1990-е гг. мигрировали только те, кто не имел работы и средств к существованию на родине, то в 2000-е гг. появляется заметная группа мигрантов, которые переезжают на Север в поисках более высоких заработков. Мигрируют даже те, кто по дагестанским меркам получает приличную зарплату (5-6 тыс. руб.) и имеет стабильную работу (в основном – лица, занятые в бюджетной сфере).

Отъезд с родных мест на длительное время – достаточно хлопотное занятие, особенно в северные города. Для отъезда необходимы деньги, в среднем это 20-30 тыс. руб. на одного отъезжающего в ценах конца 1990-х гг. Источник этих денег невелик, ведь большинство из тех, кто выезжает на Север, ими реально не располагает. В основном люди берут в долг, в том числе и под проценты. Сегодня на Северном Кавказе этот вид бизнеса, однозначно осуждаемый Кораном, получил достаточно широкое распространение. Банковская система в регионе находится в упадке. В тех банках, которые функционируют на Северном Кавказе, небольшую ссуду получить очень трудно. Именно поэтому люди бывают вынуждены идти к частным лицам, дающим свои средства в рост, часто под грабительские проценты. Иногда помогают родственники. Случается, что решившиеся уехать на заработки, продают свое имущество. Однако последний вид "добычи подъемных" практиковался в основном в первое время, сейчас так поступают сравнительно редко. Люди уезжают удостоверившись, что их ждет работа, которую им подыскали знакомые, друзья или родственники, или как минимум, зная, что хотя бы вначале им будет оказываться определенная поддержка с их стороны.

Обустройство связано с массой проблем, решаемых с разной степенью успеха. Основная проблема – это "прописка" (постоянная регистрация). С ней легче устроиться на работу и "решать проблемы" с правоохранительными органами. Поэтому мигранты стремятся разными путями

получить заветный штамп в паспорте. Определенная часть, обустраивающаяся в сельской местности и представляющая интерес для местных властей (трактористы и водители, учителя, врачи и т. д.), получает здесь жилплощадь и прописку автоматически. Однако в городах прописку приходится покупать, иногда путем заключения фиктивных браков.

Ногайцы осваивают широкий спектр трудовых специальностей, предлагаемый нефтяными регионами. Довольно много мигрирует интеллигенции: часто они устраиваются на работу по своим специальностям – врачами, учителями, воспитателями в детских садах. Устраиваются ногайцы и в сфере торговли, но в основном в магазины или крупные торговые центры. Значительная часть их занята в строительстве. Часто молодые люди создают бригады по ремонту и евроремонту квартир и офисов.

Часто ногайцы мигрируют семьями, в т. ч. и с грудными детьми. Если взрослые более-менее приспосабливаются к суровым климатическим условиям, то для детей – это жесткие физические испытания и тяжелый стресс. Плюс непривычное языковое окружение. Компактное расселение создает для ногайцев относительно комфортные условия существования. Немаловажную роль играет здесь также и то, что в результате нефтегазового бума российский Север в основном населен мигрантами, приезжими специалистами и их потомками.

У мигрантов после их обустройства на Севере, как правило, появляются деньги. Это вызывает интерес у деятелей ногайской культуры. В последнее время предпринимаются гастроли ногайских артистов в Сургут и другие города Севера, где есть ногайцы. Артисты, особенно молодые, работают над своим сценическим образом, заказывают в типографиях Северного Кавказа афиши, календари и рекламные проспекты со своими фотографиями и сценическими именами. Развивается и репертуар исполнителей, пишутся новые песни, появляются новые мелодии. Эти явления в культурной жизни во многом стали возможны благодаря тем изменениям, которые принесла с собой миграция на Север.

Очевидную проблему представляют ассимиляционные процессы. Родители вынуждены много работать, и дети большую часть времени проводят в дошкольных учреждениях. Дети переходят на русский язык, да и родители, чтобы не создавать проблем, вынуждены поддерживать русскоязычие своих детей. Поездки на лето к родственникам, которые воспринимаются чуть ли не как панацея от языковой ассимиляции, не могут компенсировать недостатка общения на родном языке в течение года. Ногайские дети, живущие на Севере, могут понимать ногайскую речь, но не переходят на нее в процессе общения. Более того, дети вынуждают переходить своих родных на русский язык даже в поездках на родину.

Важным показателем удовлетворенности и адаптированности может служить то, что происходит самоутверждение и самореализация большинства мигрантов. Среди них считается "достойным" купить машину, пусть даже подержанную, и на ней приехать в свое родное село.

Автомашины покупаются также и для родственников на родине, и число их в кавказских селах растет. Конечно, покупка автомобиля (равно как и других предметов, все еще относимых к предметам роскоши) – это лишь внешнее выражение чувства успешности.

Более глубокие, долгосрочные последствия состоят в том, что в северокавказских регионах исчезает социальная база развития радикальных националистических и религиозных движений. Даже если какая-то часть не имеющей работу молодежи, людей среднего возраста не мигрирует на Север, они все-таки получают возможность более-менее достойного существования, поскольку родственники, находящиеся на Севере, активно помогают им. И своим примером воодушевляют оставшихся на родине.

Значительная доля заработанных на Севере денег пересылается на родину для поддержки многочисленной родни. Как правило, эти средства идут не только на повседневное выживание. Устраиваются свадьбы, поминки, иные затратные мероприятия, строятся дома для братьев и сестер.

В то же время экономические последствия неоднозначны. Укажем на резкий рост цен на недвижимость в районах Северного Кавказа, где проживают ногайцы. Например, в центре Ногайского района с. Терекли-Мектеб с населением около 8 тыс. чел., не имеющем никаких предприятий, кроме бюджетных организаций, расположенном на расстоянии 90 км от ближайшего города, дом с участком в 8 соток как минимум 400 тыс. руб. Кстати, устойчивый спрос среди мигрантов на недвижимость на родине косвенно может свидетельствовать о том, что большинство из них рассматривает свое пребывание на Севере как временное явление, планируя рано или поздно вернуться обратно.

Таким образом, ногайская миграция на Север России имеет определенное направление. Основным пунктом назначения является Тюменская область. Ногайцы не заняли какой-то особой ниши среди тамошних мигрантов, не имеют своей "этнической" специализации, а также ресурсов для "контролирования" каких-либо сфер экономической или иной деятельности. Основная масса ногайских мигрантов – это простые труженики, собственными руками и ценой определенных лишений добивающиеся сносного уровня жизни.

Миграция части экономически активного населения не может помочь выходу из кризиса экономически депрессивных регионов на Северном Кавказе. Но мигранты привозят с собой на родину деньги, невольно вызывая рост жилищного строительства, развитие мелкого бизнеса и торговли, фермерства. Миграция способствует подъему общего благосостояния граждан.

Важно и то, что появление значительных групп кавказцев во "внутренних" районах России объективно работает на складывание общероссийской гражданской нации, которая в перспективнее должна стать залогом бесконфликтного существования и процветания России.